

Обольсти меня на рассвете

Автор:

Лиза Клейпас

Обольсти меня на рассвете

Лиза Клейпас

Семья Хатауэй #2Шарм (АСТ)

Состоятельная английская семья спасла цыганского мальчика Кева Меррипена от верной гибели, дала ему кров, еду и даже образование. Так каким же неблагодарным надо быть, чтобы покуситься на дочь своего благодетеля? Да и что, кроме страстной любви, он, безродный бродяга, может дать очаровательной Уиннифред Хатауэй?

Кев борется со своими чувствами в присутствии Уин, не сдается им и в годы разлуки. Но теперь, когда его возлюбленная снова вернулась домой, ему предстоит в последний раз выбрать между благородством и счастьем. Он понимает, что если отпустит Уин, то навеки сломает жизнь не только себе, но и ей...

Лиза Клейпас

Обольсти меня на рассвете

Lisa Kleypas

SEDUCE ME AT SUNRISE

© Lisa Kleypas, 2008

© Перевод. Я. Е. Царькова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Уин всегда считала Кева Меррипена красивым. Его красота была сродни красоте сурового ландшафта или красоте зимнего дня. Он был крупным, обращающим на себя внимание мужчиной, непреклонным и бескомпромиссным во всем. Мягкость отсутствовала как в его характере, так и в лице, и эти суровые, словно высеченные дерзкой и твердой рукой скульптора черты создавали впечатляющий фон для его глаз, настолько темных, что зрачки были почти неотличимы от радужки. Волосы его были густыми и черными как вороново крыло, и такими же черными были прямые брови. На первый взгляд и не скажешь, что он умел улыбаться, но, когда он улыбался, а это бывало редко, Уин не могла отвести от него глаз.

Меррипен – ее любовь, но не ее любовник. Он никогда не был ее любовником. Они знали друг друга с детства, с тех пор как его приняли в ее семью. Хотя Хатауэи всегда относились к нему как к равноправному члену семьи, Меррипен свое место определил иначе: он считал своим долгом заботиться о них, защищать, но при этом жил сам по себе. Хотя и под одной с ними крышей.

Кев вошел в спальню Уин и, остановившись на пороге, стал смотреть, как она упаковывает саквояж, укладывая в него кое-что из личных вещей, стоявших на туалетном столике. Щетка для волос, шпильки, несколько носовых платков, что вышила для нее ее сестра Поппи. Складывая вещи в кожаный саквояж, Уин остро ощущала присутствие Кева, неподвижно стоявшего на пороге ее комнаты. Она знала, что таится за его неподвижностью, потому что сама ощущала тот же скрытый в глубине ток желания.

Мысль о том, что она покидает его, надрывала ей сердце, но выбора не было. С тех пор как переболела скарлатиной два года назад, она так до конца и не поправилась. Она была худой и слабой и то и дело падала в обморок. Врачи говорили, что у нее слабые легкие. С этим ничего поделать нельзя, можно лишь смириться. Впереди ее ждали лишь болезни и ранняя смерть.

Уин не желала принимать такую судьбу.

Ей очень хотелось поправиться, чтобы наслаждаться тем, что другие люди воспринимают как должное. Ей хотелось танцевать, смеяться, гулять на свежем воздухе, ездить верхом. Она хотела любить, выйти замуж, родить детей, когда придет тому время. Но по состоянию здоровья все эти простые радости были ей заказаны. Впрочем, надежда на выздоровление все же оставалась. Сегодня она отправлялась во Францию, в клинику, в которой работал молодой энергичный врач по имени Джулиан Харроу, достигший впечатляющих успехов в излечении больных с таким же диагнозом, как у нее. Применяемые им методы лечения нельзя назвать ортодоксальными. О нем говорили разное, но, несмотря на противоречивость слухов, Уин приняла решение вручить свою судьбу в его руки. Он готова была пойти на все, лишь бы исцелиться. Потому что, пока она не выздоровеет, ей не видать Меррипена.

– Не уезжай, – сказал он так тихо, что она едва услышала его.

Уин старалась держаться со спокойной уверенностью, несмотря на то что по спине ползли холодные мурашки страха.

– Пожалуйста, закрой дверь, – с трудом проговорила она. Разговор, что им предстоял, должен проходить за закрытыми дверями.

Меррипен не шевельнулся. Смуглое лицо его потемнело, а в черных глазах горела ярость, что совсем не было для него характерно. Сейчас он, как никогда, был похож на цыгана. Эмоции, которые он обычно умело сдерживал, грозили выплеснуться в любой момент.

Уин сама подошла к двери, чтобы закрыть ее, и он поспешно отступил, избегая физического контакта, который не принес бы им обоим ничего, кроме беды.

– Почему ты не хочешь, чтобы я ехала, Кев? – тихо спросила Уин.

– Там некому будет тебя защищать.

– Со мной все будет в полном порядке, – сказала она. – Я верю доктору Харроу. Его методы лечения кажутся мне вполне разумными, и многие его пациенты полностью излечились...

– И столько же не излечилось. Здесь, в Лондоне, есть врачи лучше этого доктора. Сначала надо попробовать обратиться к ним.

– Я думаю, что лечение доктора Харроу даст мне больше шансов на то, чтобы выздороветь. – Уин смотрела в черные глаза Меррипена с улыбкой. Она понимала, что он хотел ей сказать, но не мог. – Я вернусь к тебе, обещаю.

Меррипен сделал вид, что не слышал ее. Любые ее попытки облечь их чувство словами встречали его упорное сопротивление. Он ни за что не признается в том, что она ему дорога, и всегда будет относиться к ней как к хрупкой, безнадежно больной барышне, нуждающейся в его защите. Как к бабочке под стеклом.

В то время как его личная жизнь будет идти своим чередом.

Несмотря на то что Меррипен никогда не откровенничал с ней, Уин была уверена, что немало женщин отдавали ему свое тело и использовали его для своих плотских надобностей. Мутная злоба поднималась из глубин ее души при мысли о том, что Меррипен может быть с кем-то, кроме нее. Любой, кто знал Уин, был бы потрясен, узнав о том, как сильно она желала его. И пожалуй, Меррипен был бы потрясен больше всех.

Посмотрев в его непроницаемое лицо, Уин подумала: «Прекрасно, Кев. Если ты этого хочешь, я буду стойкой. Мы простимся как хорошие друзья, и только».

Потом, наедине с собой, она даст волю слезам. Она знала, что пройдет целая вечность, прежде чем она увидится с ним вновь. Но что бы ни ждало ее там, в другой стране, продолжать жить так, как жила она последние два с лишним года, она не могла. Лучше смерть, чем такое будущее: вместе навек, и все же по разные стороны от пропасти, что звалась ее болезнью.

– Ну что же, – с нарочитой живостью сказала она, – скоро в путь. Причин для переживаний нет, Кев. Лео позаботится обо мне во время переезда во Францию, а...

– Твой брат даже о себе позаботиться не в состоянии, – грубо перебил ее Меррипен. – Ты никуда не поедешь. Ты останешься здесь, где я могу... – Он замолчал.

Но Уин услышала в его голосе нечто, подозрительно напоминавшее гнев или муку. Нечто, что он пытался скрыть.

Дело принимало интересный оборот. Сердце Уин взволнованно забилося.

– Есть... – Ей пришлось сделать паузу для того, чтобы набрать воздуха в легкие. – Есть лишь одна причина, которая может меня остановить.

Он бросил на нее настороженный взгляд.

– И что это?

Она ответила не сразу. Ей потребовалось время, чтобы набраться храбрости.

– Скажи, что любишь меня. Скажи, и я останусь.

Его черные глаза расширились. Он молчал.

Уин ждала ответа, обуреваемая чувствами, которые вообще-то не сочетались между собой: изумлением и отчаянием.

– Я... люблю всех членов вашей семьи.

– Нет. Ты знаешь, что не этого я прошу от тебя. – Уин подошла к нему и положила бледные ладони на грудь. Он был предельно напряжен. Она чувствовала, как откликнулось на ее прикосновение его тело. – Прошу тебя, – сказала она, возненавидев себя за то, что позволила себе озвучить свое отчаяние. – Пусть я завтра умру, мне все равно, если только я услышу от тебя хотя бы однажды...

- Не надо! - воскликнул он, отшатнувшись.

Забыв об осторожности, Уин шагнула к нему и схватила за ворот рубашки.

- Скажи мне. Пусть наконец правда откроется...

- Тише, тебе вредно волноваться.

Больше всего Уин злило то, что он прав. Она уже чувствовала знакомую слабость, головокружение, что всегда сопровождалось учащением пульса и ощущением сдавленности в легких. Будь неладно ее слабое тело, что подводило ее в самый ответственный момент.

- Я люблю тебя! - в отчаянии воскликнула она. - И если бы я была здорова, никакая сила не могла бы меня с тобой разлучить. Если бы я была здорова, я бы позвала тебя в свою постель, я бы одарила тебя страстью, какой только может женщина одарить мужчину...

- Нет. - Он поднес руку к ее губам, чтобы заставить ее замолчать, но отдернул, едва прикоснувшись к ним, словно они обожгли его.

- Если я не боюсь в этом признаться, что останавливает тебя? - Наслаждение, которое испытывала Уин, находясь рядом с Кевом, было подобно наваждению, безумию. С безрассудством страсти она прижималась к нему. Он пытался ее оттолкнуть, не причинив боли, но она вцепилась в него изо всех сил, что еще у нее оставались. - Что, если эти мгновения - последние из тех, что ты проведешь со мной? Разве ты не пожалел бы о том, что не сказал, что ко мне чувствуешь? Разве ты бы не...

Меррипен прижался губами к ее губам - все, что угодно, лишь бы заставить ее замолчать. Они оба судорожно втянули воздух и замерли, впитывая в себя ощущения. Каждый выдох его обдавал жаром ее щеку. Сильные руки обнимали Уин, руки, способные защитить ее от любых напастей, от любого зла. С ним она была как за каменной стеной. А потом словно вспыхнула искра, и их обоих закрутило в вихре желаний.

От него пахло яблоками, в его дыхании ощущался горьковатый привкус кофе, но самым сильным был его собственный особый запах. Желая его, тоскуя по его ласке, Уин крепко прижалась к нему, и Кев принял ее невинный дар с хриплым варварским стоном.

Она почувствовала прикосновение его языка. Открываясь ему навстречу, она глубже вбирала его в себя, робко пробуя прикоснуться языком к его языку. Словно шелк скользнул по шелку, и Кев вздрогнул, и судорожно вдохнул, и крепче прижал ее к себе. И тогда ее вновь охватила слабость. Она так истомилась по его рукам, по его сильному телу. Она так хотела почувствовать его тяжесть на себе, в себе... О, она хотела его, хотела...

Меррипен целовал ее с варварской жадностью, и губы его, прижимаясь к ее губам, скользили по ним с нажимом, широкими мощными мазками. Она вся горела, она хотела стать еще ближе к нему, еще ближе.

Даже сквозь несколько слоев юбок она чувствовала, как он прижимается к ней бедрами, чувствовала его ритм. Инстинктивно она опустила руку вниз, чтобы прикоснуться к нему там, и дрожащие пальцы ее нащупали твердый бугорок, свидетельство его возбуждения.

Кев застонал, словно от муки, у самых ее губ. Внезапно он тоже опустил руку и сжал ее ладонь, заставляя крепче взять его там. Глаза ее распахнулись, когда она почувствовала пульсацию, жар и напряжение. Казалось, он вот-вот взорвется.

– Кев... кровать... – прошептала она, покраснев от макушки до пят. Она так давно и безнадежно хотела его, и вот наконец этому дано случиться. – Возьми меня...

Меррипен выругался и оттолкнул ее.

Уин качнулась ему навстречу.

– Кев...

– Не подходи, – сказал он так, что она в испуге отпрянула.

Они оба замерли и стояли так, боясь пошевелиться, по меньшей мере минуту. Слышался только гневный шелест их дыхания.

Меррипен заговорил первым. Голос его был хриплым от гнева и отвращения, хотя невозможно было понять, кому он адресовал свое отвращение: ей или самому себе.

- Этого больше не повторится. Никогда.

- Потому что ты боишься, что можешь сделать мне больно?

- Потому что я не хочу тебя вот так.

Она застыла от негодования и изумленно рассмеялась.

- Я не верю тебе. Я почувствовала твою реакцию.

Он густо покраснел.

- Так было бы с любой женщиной.

- Ты... пытаешься заставить меня поверить в то, что не испытываешь ко мне ничего особенного?

- Ничего, кроме желания защитить тебя. Как защищал бы любого из членов твоей семьи.

Она знала, что он лжет. Она знала это. Но его бессердечный отказ облегчал ей казавшуюся невыполнимой задачу. Теперь покинуть его будет проще.

- Я... - Говорить было трудно. - Как это благородно с твоей стороны. - Ее попытка иронии провалилась из-за того, что ей не хватало дыхания. Будь неладны ее слабые легкие.

- Ты переволновалась, - сказал Меррипен, шагнув к ней. - Тебе надо отдохнуть...

– Я прекрасно себя чувствую, – бросила она раздраженно и, шагнув к умывальнику, схватилась за него, чтобы устоять на ногах.

Теперь, когда она больше не боялась упасть, она смогла плеснуть на льняное полотенце воды, чтобы протереть пылающие щеки. Посмотрев в зеркало, она постаралась придать своему лицу выражение безмятежности. Ей это удалось. Каким-то чудом ей удалось справиться и с голосом.

– Я приму от тебя либо все, либо ничего, – спокойно сказала она. – Ты знаешь, какие слова могут заставить меня остаться. Если ты не намерен их произносить, уходи.

Атмосфера в комнате была насыщена эмоциями. Молчание тяготило. Нервы Уин натянулись до предела. Она уставилась в зеркало, видя в нем лишь отражение его широкого плеча и предплечья. Затем рука Кева шевельнулась, и дверь открылась и закрылась.

Уин продолжала протирать лицо влажным полотенцем. Этим же полотенцем она смахнула несколько слезинок. Положив полотенце на край умывальника, она заметила, что ее ладонь, та самая, которой она держалась за него там, сохранила память о его плоти. И губы ее чуть пощипывало от его поцелуев, и грудь ее переполняло отчаяние и любовь к нему.

– Ну что же, – сказала она своему отражению в зеркале, – теперь у тебя есть мотив. – С губ ее сорвался нервный дрожащий смешок. Она смеялась до тех пор, пока ей не пришлось стереть с лица новые слезы.

* * *

Наблюдая, как грузят вещи в карету, которой вскоре надлежало отправиться к лондонским докам, Кэм Рохан не мог удержаться от тревожных раздумий о том, не совершает ли он роковую ошибку. Он обещал своей новоиспеченной жене, что позаботится о ее семье. Но не прошло еще и двух месяцев с тех пор, как Кэм женился на Амелии, а он уже отправлял одну из ее сестер за тридевять земель, в другую страну, во Францию.

– Мы можем подождать, – сказал он еще вчера вечером, лежа с женой в постели. Он обнимал Амелию, поглаживая ее по густым темно-русые волосам, что шелковистой рекой лежали у него на груди. – Если ты хочешь, чтобы Уин оставалась с тобой подольше, мы могли бы отправить ее в клинику весной.

– Нет, она должна ехать как можно скорее. Доктор Харроу ясно дал понять, что слишком много времени уже и так потрачено зря. Чем раньше она начнет курс лечения, тем выше ее шансы на выздоровление.

Кэм тогда улыбнулся. Тон Амелии был таким прагматичным. Жена его преуспела в умении скрывать свои эмоции, и мало кто догадывался, что за на первый взгляд непробиваемым фасадом скрывалась ранимая и чуткая душа. Кэм был единственным, перед кем она могла позволить себе не притворяться сильной.

– Мы должны вести себя разумно, – добавила тогда Амелия.

Кэм перевернул ее на спину. Он смотрел сверху вниз в ее милое, с мелкими чертами лицо, освещенное ночником. Такие круглые синие глаза, темные, как сердце полуночи.

– Да, – согласился он с ней. – Но быть разумными не всегда просто, верно?

Она покачала головой, и глаза ее сделались влажными.

Он погладил ее по щеке.

– Бедная моя птичка колибри, – прошептал он. – Тебе столько пришлось пережить за последние месяцы, в том числе и брак со мной. А сейчас я отсылаю прочь твою сестру.

– Ты отправляешь ее в клинику, где ее вылечат, – сказала тогда Амелия. – Я знаю, что так будет лучше для нее. Просто... я буду скучать. Уин самая хрупкая, самая нежная в нашей семье, и она мне дороже всех. Без нее мы поубиваем друг друга. – Она нахмурилась. – Не говори никому, что я плакала, а не то я очень на тебя рассержусь. – Амелия всхлипнула.

– Нет, мониша, не скажу, – ласково успокоил ее Кэм, привлекая к себе. – Я никому не выдам твоих секретов. Ты об этом знаешь. – И он стал покрывать поцелуями ее лицо, осушая губами слезы. Он медленно снял с нее рубашку. И ласки его были такими же неторопливыми. – Малышка моя, – шептал он, когда она дрожала под ним. – Позволь мне сделать так, чтобы ты почувствовала себя лучше. – И, бережно овладевая ее телом, он на одном из самых древних языков мира говорил ей, что она приятна ему во всех смыслах, что ему нравится быть внутри ее, что он никогда ее не оставит. Хотя Амелия не понимала слов чужого языка, звуки этого языка возбуждали ее, и руки ее блуждали по его спине, лаская и царапая, и бедра ее прижимались к его бедрам. Он дарил ей наслаждение и получал сполна, и так продолжалось до тех пор, пока жена его, удовлетворенная и уставшая, не погрузилась в сон.

Еще долго после того, как она уснула, Кэм прижимал ее к себе, и голова ее приятной тяжестью лежала у него на плече. Теперь он отвечал за Амелию, отвечал за всю ее семью.

Хатауэи представляли собой странную группу, включающую четырех сестер, брата и Меррипена, который, как и Кэм, был цыганом. О Меррипене было известно лишь то, что он попал в семью Хатауэй еще ребенком. Хатауэи приютили его, когда во время погрома он был ранен и оставлен умирать. Статус его был неопределенным: выше, чем у слуги, но ниже, чем у урожденных Хатауэев.

Невозможно было предсказать, как поведет себя Меррипен в отсутствии Уин, но Кэм подозревал, что ничего хорошего от него ждать не приходится. Они были совсем разными: светловолосая болезненная Уин и черноволосый и смуглый могучий цыган Меррипен. Уин была изящной и хрупкой, утонченно красивой, воздушной, словно фарфоровая статуэтка, тогда как Меррипен прочно стоял на земле и книгам предпочитал практический опыт. Но влечение между ними было очевидным. Так сокол всегда возвращается в один и тот же лес, следуя невидимому маршруту, который навек отпечатан у него в сердце.

Когда весь багаж был должным образом погружен и надежно закреплен кожаными ремнями, Кэм направился в апартаменты отеля, где остановилось семейство. Хатауэи собрались в гостиной, чтобы попрощаться с сестрой.

Меррипен отсутствовал, что было странно и наводило на неприятные подозрения.

Хатауэи столпились в небольшой комнате: все четыре сестры и их брат Лео, который отправлялся во Францию вместе с Уин в качестве ее компаньона и сопровождающего.

– Ну все, пора, – ворчливо сказал Лео, похлопав по спине младшую сестру Беатрикс, которой только что исполнилось шестнадцать. – Нет нужды закатывать сцену.

Она крепко его обняла.

– Тебе будет так одиноко вдали от нас, от дома. Ты не хочешь взять одного из моих любимцев, чтобы он составил тебе компанию?

– Нет, дорогая, придется мне довольствоваться компанией людей. – Он повернулся к Поппи, рыжеволосой восемнадцатилетней красавице. – До свидания, сестричка. Желаю тебе получить все возможное удовольствие от твоего первого лондонского сезона. И постарайся не принимать предложение от первого встречного юнца.

Поппи подошла к брату и обняла.

– Дорогой Лео, – сказала она, уткнувшись лицом ему в плечо, – постарайся вести себя прилично, когда будешь во Франции.

– Во Франции никто себя прилично не ведет, – сказал ей Лео. – Именно поэтому всем так нравится Франция. – И только тогда маска прожженного циника, которую так редко снимал Лео, дала трещину. Он судорожно вздохнул. Из всех отпрысков Хатауэев Лео и Амелия ссорились больше всего и наиболее ожесточенно. И тем не менее Амелия была, вне сомнений, его самой любимой сестричкой. Они через многое прошли вместе, взяв на себя заботу о младших, когда умерли родители. Амелия вот уже не один год с болью в сердце наблюдала, как Лео из перспективного молодого архитектора превращается в надломленного неудачника. Наследование титула виконта несколько не помогло ему остановиться в своем падении. Напротив, титул и новый, более высокий общественный статус лишь ускорили скатывание Лео вниз, по наклонной. Но Амелия продолжала бороться за него, старалась спасти, пыталась удержать от падения. Что сильно его раздражало.

Амелия подошла к брату и положила голову ему на грудь.

- Лео, - всхлипнув, сказала она, - если ты согласишься, чтобы что-нибудь случилось с Уин, я тебя убью.

Он нежно погладил ее по голове.

- Ты столько лет обещаешь меня убить, а я все еще жив.

- Я жду по-настоящему серьезного повода.

С улыбкой Лео приподнял ее голову и поцеловал в лоб.

- Я привезу ее назад целой и невредимой. И здоровой.

- А себя?

- И себя.

Амелия расправила складки на своем салопе. Нижняя губа ее дрожала.

- Тогда ты должен измениться, Лео. Довольно прожигать жизнь, - сказала она.

Лео усмехнулся.

- Но я всегда верил в то, что человек должен как можно полнее раскрывать свои природные склонности. - Он опустил голову, чтобы сестра могла поцеловать его в щеку. - Кому бы меня учить жизни, сестричка, только не тебе. Особенно после того как ты вышла замуж за человека, которого едва знаешь.

- Этот поступок - лучший, что я совершила в жизни, - сказала Амелия.

- Поскольку он оплачивает мое путешествие во Францию, я не могу с тобой не согласиться. - Лео протянул руку Кэму, и мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. Если вначале отношения между Лео и новоиспеченным мужем сестры были несколько натянутыми, то вскоре они поладили и даже привязались

друг к другу. – До свидания, фрл, – сказал Лео, используя цыганское слово «брат», которому научил его Кэм. – Я не сомневаюсь, что ты отлично позаботишься о моих сестрах. Ты уже избавился от меня, так что начало – многообещающее.

– Вы вернетесь в перестроенный дом и процветающее поместье, милорд.

Лео тихо рассмеялся.

– Не могу дождаться того дня, когда увижу, чего тебе удалось добиться. Знаешь ли, не всякий пэр королевства доверил бы парочке цыган вести свои дела.

– Абсолютно с вами согласен, – ответил Кэм. – Вы такой один.

* * *

После того как Уин распрощалась с сестрами, Лео усадил ее в карету и забрался следом. Экипаж, чуть дернувшись, тронулся с места, направляясь к докам.

Лео, сидя рядом с сестрой, изучал ее профиль. Как обычно, она не показывала своих чувств. Лицо ее с правильными чертами было безмятежно спокойным. Но он видел красные пятна на ее скулах, он замечал, как руки ее, лежавшие на коленях, судорожно сминали вышитый Поппи носовой платок. От Лео не ускользнул и тот факт, что среди провожающих не было Меррипена. Лео гадал, успели ли они с Уин обменяться парой нелюбезных слов перед отъездом.

Вздыхнув, Лео обнял сестру за хрупкие плечи. Она напряглась, но не отстранилась. Прошло несколько секунд, и она поднесла платок к глазам, вытирая слезы. Она была напугана. Она выглядела больной и несчастной.

И кроме него, у нее никого не было.

Да поможет ей Бог.

Лео сделал попытку пошутить:

– Ты не позволила Беатрикс всучить тебе на дорогу одного из ее любимцев, верно? Предупреждаю: если ты где-то спрячешь ежика или крысу, они отправятся за борт, как только мы ступим на палубу корабля.

Уин покачала головой и высморкалась.

– Ты знаешь, – непринужденно заметил Лео, продолжая обнимать сестру за плечи, – ты самая скучная из сестер. Не могу понять, как могло случиться так, что во Францию я еду именно с тобой.

– Поверь мне, – уныло ответила Уин, – я не была бы такой скучной, если бы мне было что тебе рассказать. Когда я выздоровею, я намерена вести себя очень и очень неприлично.

– Ну, буду ждать с нетерпением твоего выздоровления. – Он прижался щекой к ее мягким светлым волосам.

– Лео, – спросила она чуть позже, – почему ты вызвался поехать в клинику со мной? Потому что тоже хочешь излечиться?

Лео не только тронул этот невинный вопрос, но и вызвал раздражение. Уин, как все прочие члены семьи, считала его пьянство болезнью, которую можно излечить воздержанием и здоровым окружением. Но его пьянство являлось лишь симптомом более серьезной болезни – печали такой сильной, что временами она грозила убить его. Никакое лечение не могло вернуть ему Лауру. И исцелить от тоски.

– Нет, – сказал он. – Я не стремлюсь излечиться. Я всего лишь хочу сменить обстановку. – Уин ответила ему коротким смешком. – Вы с Меррипенем поссорились? Поэтому он не пришел тебя проводить? – Уин молчала, и Лео закатил глаза. – Если ты решила не раскрывать рта до самой Франции, то путешествие и в самом деле покажется очень долгим.

– Да, мы поссорились.

– Из-за чего? Из-за клиники Харроу?

– Не совсем. Из-за этого тоже, но... – Уин зябко повела плечами. – Все так запутанно. Так просто не объяснишь.

– Нам предстоит пересечь океан и половину Франции. Поверь мне, времени у нас в избытке.

* * *

После того как уехала карета, Кэм отправился на задний двор отеля, где находились конюшня и прочие хозяйственные постройки. Конюшня располагалась в опрятном двухэтажном здании, на первом этаже которого имелись стойла и каретная, а на втором – комнаты для прислуги. Как и предполагал Кэм, Меррипен был на конюшне. В отеле работали и штатные конюхи тоже, но часть работы должны были выполнять хозяева лошадей. Сейчас Меррипен занимался вороным трехлеткой Кэма по имени Пука.

Движения Меррипена, проводящего щеткой по блестящим бокам коня, были ловкими, быстрыми и методичными.

Кэм какое-то время наблюдал за ним, любуясь цыганской сноровкой сородича. Бытующее среди гаджо мнение о том, что цыгане необычайно хорошо управляют с лошадьми, имело под собой реальные основания. Цыган считает коня своим товарищем, животным поэтичным и с героическими инстинктами. И Пука относился к Меррипену с уважением и почтением, которое выказывал немногим людям.

– Чего ты хочешь? – спросил Меррипен, не глядя на него.

Кэм не торопясь подошел к открытому стойлу и улыбнулся, когда Пука опустил голову и потерся головой о грудь хозяина.

– Нет, мальчик, нет у меня для тебя сахара. – Он похлопал коня по мускулистой шее. Рукава рубашки Кэм закатал до локтей, открыв татуировку с изображением летящего коня на предплечье. Кэм не помнил, когда у него появилась эта татуировка. Казалось, она была тут вечно, а по какому поводу была сделана, бабушка не сочла нужным ему объяснить.

Крылатый конь на его руке был в числе древних ирландских символов, изображением легендарного пуки, коня ночных кошмаров, и этот конь то приносил беду, то, наоборот, творил добро. Этот конь говорил человеческим голосом и по ночам летал, широко расправив крылья. Если верить легенде, пука приходил к дверям ни о чем не подозревающего человека, подзывал к себе и уносил далеко от дома. И после этой безумной скачки всадник менялся навсегда.

Кэм никогда ни у кого не видел такой татуировки, пока не повстречал Меррипена.

Не так давно в Гемпшире, в усадьбе Рамзи, доставшейся Лео в наследство от дальнего родственника, случился пожар. Дом сгорел, и Меррипен пострадал, спасая людей и имущество. Его рану пришлось подлечить, и тогда, обнажив его плечо, Хатауэи обнаружили татуировку – точно такую же, что была на руке у Кэма. Что, разумеется, не могло не вызвать у него ряд вопросов.

– Что ты за цыган, если носишь ирландскую татуировку? – спросил Кэм.

– В Ирландии живут цыгане. Ничего необычного.

– В этой татуировке есть кое-что необычное, – спокойно сказал Кэм. – Я никогда не видел другой такой же до тебя. И, поскольку Хатауэи были удивлены не меньше меня, ты, очевидно, очень старался, чтобы ее никто не увидел. Так с чего бы это, фрал?

– Не зови меня так.

– Ты с детства живешь с Хатауэями, – сказал Кэм. – И они считают тебя одним из них. А я вошел в эту семью, женившись на дочери отца семейства. Таким образом, мы стали братьями, не правда ли?

Ответом Кэму был лишь презрительный взгляд Меррипена.

Кэм находил извращенное удовольствие в том, что питал искренние дружеские чувства к цыгану, который столь явно его презирал. Он отчетливо понимал, что вызывало враждебность Меррипена. Когда в семейный клан входит еще один человек, почти всегда возникают конфликты, явные и неявные. Как правило,

новичку отводится место в самом низу иерархии. Кэм считал такое положение вещей нормальным, но в его случае все вышло не так. Женившись на старшей сестре Хатауэй, Кэм, чужак, был вынужден сразу взять на себя роль главы семейства, и эта ноша была для него тяжела. Не помогало разрешению проблемы и то, что Кэм был пошрамом, иначе говоря – полукровкой, сыном цыганки и гаджо – ирландца. И, что еще хуже, Кэм был богат – постыдное качество для цыгана.

– Почему ты всегда скрывал эту татуировку? – продолжал давить на него Кэм.

Меррипен опустил щетку и бросил на Кэма холодный мрачный взгляд.

– Мне сказали, что это знак проклятия. И если я узнаю, что означает эта татуировка и зачем она была сделана, я или кто-то близкий мне погибнет.

Внешне Кэм оставался невозмутим, но волоски на затылке зашевелились от недоброго предчувствия.

– Кто ты, Меррипен? – тихо спросил он.

Цыган продолжал работать.

– Никто.

– Когда-то ты был членом клана. У тебя должна была быть семья.

– Я не помню, чтобы у меня когда-либо был отец. Моя мать умерла, когда я родился.

– Так же было и со мной. Меня растила бабушка.

Рука, державшая щетку, замерла в воздухе. Никто из них не шевельнулся. В конюшне стало очень тихо, слышалось лишь похрапывание лошадей.

– Меня растил дядя. Чтобы я стал одним из ашарайбов.

– Вот как? – Бедный ублюдок, подумал Кэм, но постарался ничем не выдать того, что испытывал к Меррипену жалость.

Неудивительно, что Меррипен так хорошо дрался. В некоторых цыганских племенах самых сильных мальчиков превращали в кулачных бойцов, заставляя их драться друг с другом на ярмарках и в пабах на потеху публике, чтобы зрители могли делать на них ставки. Некоторые из мальчиков получали жестокие увечья и даже погибали. А те, кто выживал, становились жестокими и безжалостными бойцами – воинами и защитниками клана.

– Ну, тогда понятно, откуда у тебя такой милый характер, – сказал Кэм. – Поэтому ты решил остаться с Хатауэями после того как они тебя приютили? Потому что ты больше не хотел быть ашарайбом?

– Да.

– Ты лжешь, фрал, – сказал Кэм, пристально за ним наблюдая. – Ты остался жить с гаджо по другой причине. – И Кэм увидел по тому, как покраснел Меррипен, что предположение его близко к истине.

Тихо Кэм добавил:

– Ты остался ради нее.

Глава 2

В нем не было ни доброты, ни добродетели, ни кротости. Он был взращен, чтобы спать на голой земле, есть простую пищу, пить холодную воду и по команде драться с другими мальчиками. Если он когда-либо отказывался драться, то бывал жестоко избит своим дядей, цыганским бароном, большим человеком в клане. У него не было матери, которая могла бы просить за него или вступить за него, чтобы как-то помешать жестоким наказаниям цыганского барона. Никто никогда не прикасался к нему с нежностью. Он существовал лишь для того,

чтобы драться, воровать и портить жизнь гаджо.

В большинстве кланов цыгане не испытывали ненависти к бледным, одутловатым англичанам, что жили в маленьких, словно игрушечных, домиках, носили карманные часы и читали книги у камина. Они им всего лишь не доверяли. Но в клане Кева гаджо презирали главным образом потому, что их презирал барон. И какими бы ни были причуды, убеждения и склонности главы клана, клан жил по законам, установленным цыганским бароном, и нарушившего эти законы ждала расправа.

Однако пришел день, когда терпение людей, которые жили в непосредственной близости от территории, облюбованной кланом цыганского барона, лопнуло. Устав от творимых цыганами безобразий, гаджо решили изгнать их со своей земли.

Англичане прискакали в табор на лошадях, они принесли с собой оружие – ружья и дубинки. На цыган напали ночью, застав их спящими в своих постелях. Женщины и дети кричали и плакали. Табор был разорен, кибитки сожжены, многих лошадей угнали гаджо.

Кев пытался сражаться с ними, чтобы защитить свой клан, витса, но его ударили по голове тяжелым прикладом ружья. Еще один гаджо воткнул ему в спину штык. Клан оставил его умирать. Один в ночи, он лежал в полубеспамятстве возле реки, слушая, как шумит темный поток, ощущая холод твердой влажной земли под собой, смутно осознавая, как кровь теплыми струйками вытекает из его тела. Он без страха ждал, пока могучее колесо перекатит его во мрак. Он не видел смысла в том, чтобы жить, и желания жить у него тоже не было.

Но как раз тогда, когда Ночь готова была уступить свой черед сестре своей по имени Утро, Кев почувствовал, как чьи-то руки подняли его и положили в маленькую скрипучую повозку. Гаджо нашли его и попросили деревенского мальчишку отвезти умирающего цыгана к нему домой.

В тот раз Кев впервые увидел над своей головой потолок, а не полог кибитки. Он разрывался между любопытством, вызванным незнакомым окружением, и гневом, рожденным от мысли, что судьба назначила ему умереть в четырех стенах, вверенным заботам гаджо. Однако Кев был слишком слаб и слишком болен, чтобы хоть пальцем пошевелить ради своей защиты.

Комната, какую он занимал, была не намного больше стояла для коня – в ней едва помещались кровать и кресло. Еще там были подушки и подушечки всевозможных размеров, вышивки в рамках на стенах, лампа под абажуром с бисерной бахромой. Если бы он не был так болен, сошел бы с ума в этой душной, забитой ненужным хламом маленькой комнате.

Гаджо, который привез его сюда, Хатауэй, был высоким стройным мужчиной со светлыми волосами. Его мягкие манеры, его застенчивость вызывали в Кеве враждебность. Зачем Хатауэй его спас? Что ему понадобилось от цыганского мальчишки? Кев отказывался говорить с гаджо и ни за что не хотел принимать лекарство. Любое проявление доброты к нему вызывало в нем протест. Он ничем не был обязан Хатауэю. Он не хотел, чтобы его спасали, он не хотел жить. И поэтому он лежал в этой комнатке молча, и его передергивало от отвращения и стыда всякий раз, когда Хатауэй менял повязку у него на спине.

Кев заговорил лишь один раз, и это случилось, когда мужчина спросил его о татуировке.

– Что это за отметина?

– Это проклятие, – сквозь зубы проговорил Кев. – Не говорите о нем никому, иначе проклятие падет и на вас тоже.

– Понимаю. – Тон у мужчины был ласковым. – Я сохраню твою тайну. Но скажу тебе, что, будучи человеком рациональным, я не подвержен суевериям. Проклятия имеют власть лишь над теми, кто верит в них.

Глупый гаджо, подумал Кев, каждый знает, что, отказываясь верить в проклятие, человек навлекает на себя гнев судьбы.

Этот шумный дом был полон детей. Кев слышал их голоса из-за закрытой двери комнаты, в которую его поселили. Но было еще что-то... едва уловимое мучительно-сладкое присутствие кого-то или чего-то. Он чувствовал это что-то совсем рядом – возможно, в соседней комнате. Это что-то порхало совсем близко, но вне досягаемости Кева. И его сердце рвалось к тому невидимому, ибо только оно могло дать ему облегчение от жара и боли, подарить свет в темноте.

Среди детской трескотни, перебранок, смеха, пения он различал мелодичный тихий говор, от которого у него волосы на затылке поднимались дыбом. Голос девочки. Чудный, умиротворяющий. Кев хотел, чтобы она пришла к нему. Он мысленно заклинал ее прийти к нему, лежа в этой тесной комнате, ожидая, пока заживут раны, которые затягивались мучительно медленно. «Приди ко мне...»

Но она никогда не заходила. Единственными, кто навещал его здесь, были Хатауэй и его жена, приятная, но опасливая женщина, которая относилась к Кеву как к дикому зверю, попавшему в ее цивилизованный дом по недоразумению. И Кев и вел себя как дикий зверь, огрызаясь и рыча всякий раз, когда они подходили к нему. Как только смог передвигаться самостоятельно, он помылся теплой водой из таза, что стоял в его комнате. Он никогда не ел в их присутствии – ждал, пока уйдут. Все его помыслы были направлены на то, чтобы поскорее исцелиться настолько, чтобы можно было отсюда сбежать.

Пару раз дети приходили посмотреть на него, заглядывая в приоткрытую дверь. В доме были две маленькие девочки по имени Поппи и Беатрикс, которые хихикали и визжали – то ли от восторга, то ли от испуга, – когда он прогонял их. Была еще одна девочка постарше – по имени Амелия, которая смотрела на него с той же скептической опаской, что и мать. И еще был там высокий голубоглазый мальчик, Лео, который на вид был чуть старше самого Кева.

– Я хочу внести ясность, – с порога сказал мальчик тихим голосом. – Никто здесь не желает тебе зла. Как только будешь в состоянии уйти, ты можешь это сделать. Никто не станет тебя задерживать. – Он пару секунд молча смотрел на хмурое, красное от жара лицо Кева, после чего добавил: – Мой отец – человек добрый. Добрый самаритянин. Но я не такой. Даже думать не смей о том, чтобы причинить кому-то из Хатауэев боль или нанести оскорбление. Ты за это ответишь.

Кев с уважением отнесся к его заявлению. Он даже кивнул Лео. Конечно, если бы Кев был здоров, он бы без труда одолел этого мальчика. Ему ничего не стоило избить его до бесчувствия, но Кев уже начинал верить в то, что это странное небольшое семейство действительно не желает ему зла и что они ничего от него не хотят. Они всего лишь позаботились о нем и приютили его так, словно он был бродячим псом. Похоже, они ничего не ждали от него в ответ.

Такое отношение к себе не заставило Кева меньше презирать их самих и их смехотворный уютный мирок. Он ненавидел их всех. Он ненавидел их почти так

же сильно, как ненавидел себя. Он был из другого, враждебного им мира, он не разделял их ценностей, вся жизнь его была сплошное насилие и обман. Неужели они этого не видели? Похоже, они не осознавали опасность, что навлекали на себя, поселив его у себя, доверчиво открыв для него двери в свой мир, который ему ничего не стоило разрушить.

Через неделю жар спал и рана Кева затянулась настолько, что он смог встать и пройти несколько шагов. Он должен был уйти отсюда, пока не случилось чего-то по-настоящему страшного, до того как он совершит такое, от чего Хатауэям уже никогда не оправиться. Поэтому Кев однажды утром проснулся пораньше и мучительно медленно натянул одежду, которая раньше принадлежала Лео.

Каждое движение причиняло боль, но Кев не обращал внимания ни на сильный гул в голове, ни на жгучую боль в спине. Он положил в карман нож и вилку, взяв приборы с подноса, на котором ему приносили еду, прихватил свечу и кусок мыла. В окне забрезжил рассвет. Вскоре проснутся домочадцы. Кев направился к двери. Голова у него закружилась, и он едва не упал. Тяжело дыша, он остановился, чтобы перевести дух.

В комнату негромко постучали, после чего дверь приоткрылась. Кев скривил рот, готовый зарычать на посетителя.

– Могу я войти? – тихо спросил девичий голос.

Проклятие умерло у него на устах.

«Это ты. Ты здесь».

Наконец.

– Ты так долго был один, – сказала она, подойдя к нему. – Я подумала, что ты, возможно, хочешь, чтобы кто-нибудь составил тебе компанию. Меня зовут Уинифред.

Кев вдыхал ее запах, внимал звуку ее голоса, и сердце его бешено билось. Он осторожно, преодолевая боль, лег на спину.

Он никогда не думал, что девочка гаджо может сравниться красотой с цыганкой. Но эта девочка была похожа на ангела, спустившего с небес. Ее кожа была бледной, как лунное сияние, а волосы – цвета платины. Она лучилась теплом и нежностью. Она была чиста и невинна. Она была всем тем, кем он не являлся. Все его существо так остро откликнулось на ее присутствие, что он, не в силах противостоять искушению, дотронулся до нее.

Она едва слышно вскрикнула. Кев знал, что не имеет права прикасаться к ней. Он даже не знал, как это: быть нежным. Он сделает ей больно в любом случае, невольно. И тем не менее она расслабилась и спокойно посмотрела ему в глаза.

Почему она его не боялась? Сам он очень даже боялся за нее, потому что знал, на что способен.

Он даже не осознавал того, что уже крепко держит ее за руку и привлекает ближе к себе. Все, что он знал, – это то, что часть ее веса покоилась на нем, лежащем на кровати, и пальцы его впивались в податливую плоть ее предплечий.

– Отпусти, – тихо велела она ему.

Ему не хотелось ее отпускать. Никогда. Ему хотелось вечно держать ее в объятиях. Ему хотелось распустить ее косу и пропустить сквозь пальцы бледный шелк ее волос. Ему хотелось на руках отнести ее на край земли.

– Если я тебя отпущу, – ворчливо спросил он, – ты останешься?

Нежные губы ее сложились в улыбку. Ласковую, сладкую улыбку.

– Глупый мальчишка. Конечно, останусь. Я пришла, чтобы навестить тебя.

Медленно пальцы его разжались. Он думал, что она убежит, но она осталась.

– Лежи, – велела она ему. – Почему ты так рано оделся? – Глаза ее расширились. – О, ты не должен уходить. Ты еще не выздоровел.

Она могла бы не беспокоиться. Намерения Кева сбежать испарились в ту секунду, как он ее увидел. Он снова опустил голову на подушки и стал внимательно наблюдать за девочкой. Она села в кресло. На ней было розовое платье. Ворот и манжеты украшали маленькие оборки.

- Как тебя зовут? - спросила она.

Кев не любил разговаривать. Он терпеть не мог вести с кем-то беседы, он был готов сделать все, что угодно, лишь бы девочка оставалась с ним.

- Меррипен.

- Это твое имя?

Он покачал головой.

Уинифред склонила голову набок.

- Ты не назовешь свое имя?

Он не мог. Цыган называл свое настоящее имя только другому цыгану.

- Назови мне хотя бы первую букву, - упрашивала она.

Кев смотрел на нее в замешательстве.

- Я знаю не так много цыганских имен, - сказала она. - Тебя зовут Лука? Марко?

Кеву пришло в голову, что она ведет с ним игру. Дразнит его. Он не знал, как реагировать. Обычно, если кто-то его дразнил, он отвечал кулаками.

- Когда-нибудь ты мне скажешь, - сказала она с улыбкой.

Она сделала движение, словно хотела встать с кресла, и Кев тут же схватил ее за руку. В глазах ее промелькнуло удивление.

- Ты сказала, что останешься.

Девочка положила свободную руку на его запястье.

- Я останусь. Не тревожься, Меррипен. Я всего лишь хочу принести нам с тобой чаю и хлеба. Отпусти меня. Я сейчас же вернусь. - Ладонь ее была легкой и теплой. - Я останусь с тобой на весь день, если ты этого хочешь.

- Тебе не разрешат.

- Разрешат. Конечно же, разрешат. Да не тревожься ты так, ради бога. А мне еще говорили, что все цыгане веселые.

Она почти заставила его улыбнуться.

- У меня была трудная неделя, - с убийственной серьезностью сообщил ей Кев.

Она попыталась разжать его пальцы.

- Да, я понимаю. Как случилось, что ты пострадал?

- Гаджо напали на наш табор. Они могут прийти за мной сюда. - Он смотрел на нее как голодный волчонок, но в то же время заставил себя ее отпустить. - Я в опасности. Я должен уйти.

- Никто не посмеет забрать тебя от нас. Отец очень уважаемый человек в деревне. Он ученый. - Увидев в лице Меррипена сомнение, девочка добавила: - Перо бывает сильнее меча, знаешь ли.

Сказать такую глупость могли только гаджо. Для Кева высказывание это не имело ровным счетом никакого смысла.

- Те люди, что напали на наш табор, были вооружены не перьями.

- Бедняжка, - с сочувствием сказала она. - Мне жаль, что с тобой так вышло. Твои раны, должно быть, болят. Тебе еще рано так много двигаться. Я принесу

лекарство.

Кев раньше никогда не был объектом чьей-либо симпатии. Или сочувствия. И ему не понравилось, что она его жалела. Гордость его восстала.

– Я не стану его пить. Лекарства гаджо не помогают цыганам. Если ты принесешь его, я выплесну его в...

– Ладно. Не нервничай. Я уверена, что тебе оно не понадобится. – Она направилась к двери, и Кева пробила дрожь разочарования. Он был уверен, что девочка больше не придет, а она так нужна была ему тут, рядом. Будь у него силы, он бы вскочил с кровати и снова ее схватил, но это было невозможно.

Поэтому он угрюмо на нее посмотрел и пробормотал:

– Ну, тогда иди, черт тебя побери.

Уинифред остановилась на пороге и посмотрела на него с загадочной усмешкой.

– Какой ты противоречивый и сердитый. Я вернусь с чаем, хлебом и книжкой и останусь до тех пор, пока не заставлю тебя улыбнуться.

– Я никогда не улыбаюсь, – сообщил он.

К его немалому удивлению, Уин вернулась. Она провела большую часть дня, читая ему скучную многословную историю. Никогда еще он не был так доволен жизнью. Ни музыка, ни шелест листьев в летнем лесу, ни пение птиц не радовали его так, как радовал этот тихий голос. Временами в дверной проем заглядывали другие члены семьи, но у него даже не возникало желания шикнуть на них. Впервые в жизни он чувствовал себя в ладу с самим собой и окружающим миром. Похоже, он просто не мог ненавидеть кого-либо, когда был так близок к счастью.

На следующий день Хатауэи привели его в главную комнату дома, в гостиную, полную старой мебели. Все поверхности были заполнены рисунками, вышивками и стопками книг. В этой комнате невозможно было шевельнуться, чтобы что-нибудь не сбить.

Пока Кев полулежал на диване, младшие девочки играли рядом с ним на ковре, пытаясь дрессировать ручную белку Беатрикс. Лео со своим отцом играл в углу комнаты в шахматы. Амелия со своей матерью готовили на кухне, а Уин, сидя рядом с Кевом, приводила в порядок его волосы.

– У тебя грива как у дикого зверя, – говорила она, пальцами разделяя его волосы на пряди, а потом заботливо расчесывая каждую прядку частым гребешком. – Сиди тихо. Я стараюсь придать тебе более цивилизованный вид. О, да перестань дергаться. Твоя голова не может быть настолько чувствительной.

Кев дергался не из-за спутанных волос и не из-за гребешка. Дело в том, что в жизни к нему никто никогда так не прикасался. Он был подавлен, насторожен, но, беспокойно оглядевшись, обнаружил, что никому вроде бы не было дела до того, чем занималась Уин.

Зажмурившись, он откинул голову. Уин случайно чуть сильнее, чем следовало, потянула на себя гребешок и, бормоча извинения, принялась нежно растирать пальцами болезненное место. Так нежно. В горле Кева встал ком, и глаза защипало. Изумленный и растревоженный, он боролся с нахлынувшим чувством, но сидел смирно, хотя и оставался предельно напряженным. Он едва мог дышать от удовольствия, которое получал от прикосновений Уин.

Потом она обернула его плечи тряпкой и взяла в руки ножницы.

– У меня это очень хорошо получается, – сказала Уин, наклонив его голову вперед и расчесывая кудри у него на затылке. – Твои волосы нужно подстричь. Уж слишком ты оброс.

– Будь с ней осторожнее, парень, – весело сказал мистер Хатауэй. – Вспомни, что случилось с Самсоном.

Кев вскинул голову.

– Что?

Уин заставила его вновь опустить голову.

– Волосы Самсона были источником его силы, – сказала она. – После того как Далила их отрезала, он стал слабым и был схвачен филистимлянами.

– Разве ты не читал Библию? – спросила Поппи.

– Нет, – сказал Кев. Он боялся пошевелинуться, пока, ловко орудуя ножницами, Унифред проворно расправлялась с его густыми кудрями.

– Выходит, ты язычник?

– Да.

– Ты из тех, кто ест людей? – с большим интересом спросила у него Беатрикс.

Уин ответила за него:

– Нет, Беатрикс. Человек может быть язычником и при этом не быть каннибалом.

– Но цыгане едят ежей, – сказала Беатрикс. – А это так же плохо, как есть людей. Потому что у ежей тоже есть чувства, знаете ли. – Она замолчала, глядя, как тяжелый локон падает на пол. – О, какой симпатичный! – воскликнула девочка. – Можно я возьму его, Уин?

– Нет, – угрюмо сказал Меррипен, глядя в пол.

– Почему нет?

– Кто-нибудь может сделать на нем наговор на злой рок. Или на любовь.

– О, я не стала бы делать на него наговор, – со всей серьезностью заявила Беатрикс. – Я просто хотела положить его в гнездо.

– Ничего, дорогая, – безмятежно ответила Уин. – Если нашему другу это не нравится, твоим любимцам придется довольствоваться каким-нибудь другим материалом. – Ножницы ухватили еще одну черную прядь. – Все цыгане такие же суеверные, как ты?

– Нет. Большинство суевернее.

Ее мелодичный смех щекотал ему ухо. По коже побежали мурашки.

– Что было бы для тебя хуже, Меррипен, злой рок или любовь?

– Любовь, – без колебаний ответил он.

Отчего-то вся семья рассмеялась. Меррипен угрюмо обвел их взглядом, но не увидел ни в ком насмешки – только дружеское удивление.

Кев молча слушал их болтовню, пока Уин стригла его волосы. Никогда в жизни он не был свидетелем столь странной беседы. Девочки свободно общались со своим братом и отцом. Они легко переходили с темы на тему, обсуждая то, что не имело к ним прямого отношения, ситуации, которые никак не могли на них повлиять, но, похоже, они получали огромное удовольствие от таких разговоров.

Он не мог представить, как такие люди существуют на свете. Ему было непонятно, как им удалось выжить в этом мире.

* * *

Хатауэи были не от мира сего, эксцентричные и жизнерадостные, увлеченные книгами, музыкой и искусством. Они жили в обветшавшем доме, который разваливался на глазах, но, вместо того чтобы починить дверные рамы или заделать дыры в потолке, ухаживали за розами и сочиняли стихи. Если у стула отваливалась ножка, они просто подставляли под него стопку книг. Для него их приоритеты оставались загадкой. И они удивили его еще сильнее, когда, после того как раны его зажили, предложили ему устроить себе собственную комнату на конюшне.

– Ты можешь оставаться здесь столько, сколько пожелаешь, – сказал ему мистер Хатауэй, – хотя я думаю, что однажды ты захочешь отправиться на поиски своих родных.

Но у Кева больше не было родных. Соплеменники оставили его умирать. Теперь его дом был здесь, с Хатауэями.

Он взял на себя заботу о мелочах, на которые Хатауэй не обращали внимания. Заметив, что прохудилась крыша, он отремонтировал ее, заметив, что забился дымоход, – прочищал его. Несмотря на страх высоты, он заново покрыл крышу черепицей. Он ухаживал за лошадью и коровой, он работал в огороде и даже ремонтировал обувь для членов семьи. Вскоре миссис Хатауэй уже доверяла ему настолько, что отправляла в деревню покупать еду и другие предметы первой необходимости.

Был лишь один момент, когда он мог оказаться выставленным за дверь, и это случилось, когда он подрался с деревенскими мальчишками.

Вид его встревожил миссис Хатауэй. Он был порядком потрепан, и из носа шла кровь. Миссис Хатауэй потребовала от него отчета о том, что произошло.

– Я отправила тебя за сыром, а ты пришел домой с пустыми руками и в таком состоянии! – закричала она. – Что ты натворил и почему?

Кев ничего не объяснял. Он угрюмо смотрел на дверь, пока она его отчитывала.

– Я не потерплю драчунов в этом доме. Если ты не можешь заставить себя объяснить, что случилось, тогда собирай вещи и уходи.

Но еще до того как Кев успел что-то сделать или сказать, в дом вошла Уин.

– Нет, мама, – спокойно сказала она. – Я знаю, что случилось. Моя подруга Лаура только что мне рассказала. Ее брат был там. Меррипен защищал нашу семью. Два других мальчика выкрикивали оскорбления в адрес нашей семьи, и Меррипен их за это побил.

– Что за оскорбления? – озадаченно поинтересовался мистер Хатауэй.

Кев, сжав кулаки, уставился в пол.

Уин не стала увивать.

– Они говорили о нас гадости, – сказала она, – потому что мы приютили цыгана. Кое-кому из местных это не нравится. Они боятся, что Меррипен может у них что-нибудь украсть, или наслать проклятие на людей, или еще что-то в этом роде. Они осуждают нас за то, что мы приняли его в семью.

Наступило молчание. Кева трясло от ярости. И в то же время он понимал, что проиграл по всем статьям. Он был в долгу перед этой семьей, и он никогда не смог бы жить среди гаджо и не конфликтовать с ними.

– Я уйду, – сказал он. Это лучшее, что он мог для них сделать.

– Куда? – спросила Уин. В голосе ее он с удивлением услышал резкие нотки, словно его заявление об уходе раздосадовало ее. – Здесь твой дом. Идти тебе некуда.

– Я цыган, – просто ответил он. Дом его был нигде и везде.

– Ты не уйдешь, – сказала миссис Хатауэй, поразив его своим вердиктом. – Ты не уйдешь из-за каких-то деревенских грубиянов. Какой урок получают мои дети, если мы позволим взять верх невежеству и хамству? Нет, ты останешься, и это будет правильно. Но ты не должен драться, Меррипен. Не обращай на них внимания, и со временем им надоеет нас дразнить.

Дурацкое заявление. Вполне в духе гаджо. Закрывая на что-то глаза, ты не можешь избавиться от проблемы. Самым надежным и быстрым способом заставить негодяев замолчать можно, избив их так, чтобы они превратились в кровавое месиво.

В разговор вступил еще один член семьи.

– Если он останется, – сказал Лео, – то ему наверняка придется драться, мама.

Как и Кев, Лео выглядел не лучшим образом. Глаз у него заплыл, губа была разбита. Он криво усмехнулся в ответ на испуганные возгласы матери и сестры. Продолжая улыбаться, он смотрел на Кева.

– Я поколотил одного или двух мальчишек из тех, что ты не заметил, – сказал он.

– О боже, – печально сказала миссис Хатауэй. – Твои руки все в ссадинах. А ведь они предназначены для того, чтобы держать книги, а не драться.

– Мне нравится думать, что я могу делать ими и то и другое, – сухо заметил Лео. Выражение его лица стало серьезным, когда он повернулся к Кеву. – Будь я проклят, если позволю кому-нибудь указывать мне, кто может жить в моем доме, а кто нет. Покуда у тебя не пропало желание оставаться с нами, Меррипен, я буду защищать тебя как брат.

– Я не хочу создавать для вас неприятности, – пробормотал Кев.

– Никаких неприятностей, – сказал Лео. – В конце концов, есть принципы, которые стоит отстаивать.

Глава 3

Принципы. Идеалы. Суровые реалии прежней жизни Кева не подразумевали таких понятий. Но постоянное проживание с Хатауэями изменило его, возвысило его мысли и дух, заставив их подняться над вопросами, касающимися одного лишь выживания. Конечно же, он не мог стать ученым или джентльменом, но он годами слушал, как Хатауэй оживленно обсуждали Шекспира, Галилео, сравнивали фламандское искусство с венецианским, демократию и монархию с теократией, говорили обо всем мыслимом и немислимом. Он научился читать, освоил азы латыни и французского. Он превратился в человека, в котором его соплеменники едва ли смогли бы узнать его прежнего.

Кев никогда даже мысленно не называл мистера и миссис Хатауэй своими родителями, хотя ради них готов был на все. У него не было желания развивать в себе привязанность к кому бы то ни было. Для этого ему бы потребовалось больше доверия и открытости, чем он мог себе позволить. Но все отпрыски Хатауэев были ему дороги, включая Лео. И еще у него была Уин, ради которой Кев был готов умереть тысячу раз.

Он никогда не унизил бы Уин своим прикосновением, никогда не осмелился бы заявить права на место в ее жизни иное, чем место защитника. Она была

слишком хороша для него. И по мере того как, взрослея, она превращалась в девушку, все больше мужчин в деревне завораживала ее красота. Никто не мог бы остаться к ней равнодушным.

Посторонние обычно видели в Уин Снежную королеву, всегда опрятную, невозмутимую и целомудренную. Но посторонние ничего не знали ни о ее ироничном уме, ни о душевности, что таилась под маской холодной неприступности. Посторонние не видели, как Уин обучает свою сестру Поппи кадрили, не видели, как они плясали до упаду и в изнеможении, покатываясь со смеху, валялись на пол. Они не видели, как они с Беатрикс охотились на лягушек, как Уин бродила по щиколотки в воде с фартуком, полным прыгающих рептилий. Они не слышали, как она читает Диккенса на разные голоса, изображая персонажей романов.

Кев любил ее. Не той любовью, что описывают поэты. Не той кроткой, одомашненной любовью. Он любил ее так, как никто никого не любил ни на земле, ни в раю, ни в аду. Каждый миг, проведенный без нее, отзывался в нем мукой, и каждый миг с ней дарил ему счастье и покой, единственный покой, какой он знал в жизни. Каждое прикосновение ее рук оставляло отпечаток в его душе. Он скорее убил бы себя, чем признался бы кому-нибудь в этом. Он хранил свою любовь глубоко-глубоко в сердце.

Кев не знал, отвечала ли Уин на его чувство. Он лишь знал, что не хочет, чтобы она ответила ему взаимностью.

* * *

– Ну вот, – как-то сказала Уин, после того как они, пройдя через лужайку, устроились на своем излюбленном месте. – У тебя почти получается.

– Что у меня почти получается? – лениво переспросил Кев. Они опустились на траву в тени деревьев возле ручья, который был полноводным весной и осенью, а летом пересыхал. Траву расцветивали лиловые колокольчики и белая таволга, распространяющая вокруг миндальный аромат.

– Улыбаться. – Она приподнялась на локтях и провела пальцем по его губам.

Кев перестал дышать.

Щеврица спорхнула с ближнего дерева и издала длинную трель, опускаясь на траву.

Сосредоточенно Уин приподняла кончики губ Кева, пытаясь удержать их в этом положении.

Возбужденный и взволнованный, Кев сдержанно засмеялся и смахнул ее руку.

– Ты должен чаще улыбаться, – сказала Уин, продолжая смотреть на него сверху вниз. – Ты очень красивый, когда улыбаешься.

Она была ослепительнее солнца, и волосы ее были как шелк, а губы имели самый нежный розовый оттенок. Вначале во взгляде ее не было ничего, кроме дружелюбного любопытства, но постепенно он осознал, что она пытается прочесть в его глазах его тайну.

Он хотел обнять ее, прикинуть к ней, накрыть ее тело своим. Прошло четыре года с тех пор, как он поселился у Хатауэв. И с каждым днем ему становилось все труднее управлять своими чувствами к Уин.

– О чем ты думаешь, когда смотришь на меня так? – тихо спросила она.

– Я не могу сказать.

– Почему?

Кев почувствовал, что вновь улыбается, на этот раз чуть насмешливо.

– Не хочу тебя напугать.

– Меррипен, – решительно сказала она, – ничто из того, что ты мог бы сказать или сделать, не способно меня напугать. – Она нахмурилась. – Ты вообще собираешься сказать мне, как тебя зовут?

– Нет.

– Ты скажешь. Я заставлю тебя. – Она сделал вид, что колотит его в грудь кулачками.

Кев перехватил запястья Уин, без усилий удерживая ее в неподвижности. Машинально, повинувшись инстинкту, он перекатился на нее сверху, прижав к земле своим телом. Он понимал, что поступает дурно, но не мог остановиться. И когда он навалился на нее, то почувствовал, как она инстинктивно изогнулась, подвигаясь, чтобы лечь удобнее. Наслаждение, которое он при этом испытал, парализовало его. Он ожидал, что Уин станет сопротивляться, бороться с ним, но она, напротив, расслабилась и замерла, улыбаясь ему.

Кев смутно припомнил один из мифов, которые так нравились Хатауэям. Греческий миф об Аиде, боге подземного царства, похитившем девственную Персефону на цветочной поляне и затащившем ее в подземелье через отверстие в земле. Он увлек ее в свой мрачный мир, где все было ему подвластно, туда, где он мог бы владеть ею. Хотя все дочери Хатауэев были возмущены тем, что случилось с Персефой, симпатии Кева были на стороне Аида. В цыганской культуре идея похищения женщины, похищения невесты, романтизируется. Похищение невесты даже разыгрывается во время ритуала ухаживания, и все, включая саму невесту, получают от этого представления немалое удовольствие.

– Я не понимаю, каким образом каких-то шесть гранатовых зернышек могли обречь Персефону на пребывание в Гадесе большую часть года, – возмущенно сказала Поппи. – Никто не сообщил ей правила игры. Это несправедливо. Я уверена, что она никогда не прикоснулась бы к ним, если бы знала о последствиях.

– К тому же шестью зернышками граната никогда не наешься, – тоже возмущенно добавила Беатрикс. – Если бы я там оказалась, то попросила бы пудинг или пирог с вареньем по крайней мере.

– Возможно, она не была такой уж несчастной из-за того, что должна была там оставаться, – предположила Уин с озорным блеском в глазах. – В конце концов, Аид сделал ее своей царицей. И в мифе говорится, что он обладал богатствами земли.

– Богатство мужа, – сказала Амелия, – не меняет того факта, что Персефона вынуждена постоянно проживать там, где ей не нравится, в месте, где взгляду абсолютно не за что зацепиться. Только подумайте, как трудно сдать это место в аренду на время ее отсутствия.

Они все сошлись на том, что Аид был законченным негодяем. Но Кев прекрасно понимал, почему бог подземного мира похитил Персефону и сделал своей женой. Он хотел немного солнечного света, немного тепла, чтобы оно согревало его в безрадостном сумраке мрачного дворца.

– Выходит, что твои соплеменники, которые оставили тебя умирать, – сказала Уин, вернув Кева в реальность, – могут знать твоё имя, а я – нет?

– Это так, – согласился Кев, наблюдая за игрой света и тени на ее лице, любуясь ажурным узором, который отбрасывала листва на ее лицо. Каково было бы прижаться губами к ее нежной коже?

Между изящными бровями Уин пролегла морщинка.

– Почему? Почему мне нельзя его узнать?

– Потому что ты гаджо. – Тон его голоса оказался нежнее, чем ему бы того хотелось.

– Твоя гаджо.

При этом прорыве на опасную территорию Кев почувствовал, как сердце его болезненно сжалось. Она не была его девушкой и никогда не могла ею стать. Разве что в его сердце.

Он скатился с нее и поднялся на ноги.

– Пора возвращаться, – сказал он резко.

Он взял ее за руку и рванул на себя, помогая встать. Уин не устояла на ногах и упала к нему на грудь. Юбки ее вспорхнули и обвились вокруг его ног. Кев отчаянно искал в себе силы и мужество оттолкнуть ее.

– Ты когда-нибудь попытаешься их разыскать, Меррипен? – спросила она. – Ты когда-нибудь уйдешь от меня?

«Никогда», – подумал он во внезапном пароксизме желания. Но сказал другое:

– Не знаю.

– Если бы ты ушел, я пошла бы за тобой. И вернула бы тебя домой.

– Сомневаюсь, что мужчина, за которого ты выйдешь замуж, позволил бы тебе это сделать.

Уин улыбнулась, словно он сказал что-то нелепое. Она отстранилась и отпустила его руку. Они молча пошли назад, в сторону дома.

– Тобар? – спросила она чуть погодя. – Гарридан? Пало?

– Нет.

– Рай?

– Нет.

– Купер? Стенли?

– Нет.

* * *

Все семейство гордилось тем, что Лео был принят в Академию изящных искусств в Париже, где он изучал искусство и архитектуру в течение двух лет. Лео был признан настолько талантливым и многообещающим архитектором, что его обучение было частично оплачено прославленным лондонским архитектором Роулендом Темплом, который сказал, что Лео может отдать ему долг, работая у него чертежником, когда вернется из Франции.

Не многие стали бы спорить с тем, что Лео повзрослел и встал на ноги, оставаясь добродушным молодым человеком с острым умом и чувством юмора. И при его таланте и целеустремленности ни у кого не было сомнений в том, что еще более серьезные достижения не заставят себя ждать. По возвращении в Англию Лео поселился в Лондоне и поступил на работу к Темплу, выполняя свои обязательства перед ним. Он также часто приезжал в Примроуз-Плейс, чтобы повидаться с семьей и провести время с хорошенькой темноволосой девушкой из деревни по имени Лаура Диллард.

В отсутствие Лео Кев изо всех сил старался заботиться о семье Хатауэй. И мистер Хатауэй не раз предпринимал попытки помочь Кеву спланировать будущее для себя. Такого рода беседы были нелегким испытанием для них обоих, потому что оказывались абсолютно безрезультатными.

– Ты понапрасну растрачиваешь себя, – обеспокоенно говорил Кеву мистер Хатауэй.

Кев на это лишь презрительно фыркнул, но Хатауэй проявлял настойчивость.

– Мы должны подумать о твоём будущем. И перед тем как что-то сказать, позволь сообщить тебе, что я знаю о том, что цыгане предпочитают жить настоящим и на будущее не загадывать. Но ты изменился, Меррипен. Ты слишком далеко продвинулся, чтобы пренебрегать тем, что пустило в тебе корни.

– Вы хотите, чтобы я ушел? – тихо спросил Кев.

– Господи, нет. Вовсе нет. Как я уже говорил раньше, ты можешь жить с нами так долго, как пожелаешь. Но я считаю своим долгом заставить тебя понять, что ты жертвуешь многими возможностями для самосовершенствования. Ты должен поехать по миру, как Лео. Научиться какому-нибудь ремеслу; возможно, поступить в армию...

– И что я с этого получу? – спросил Кев.

– Для начала способность заработать больше тех жалких грошей, что я способен тебе дать.

– Мне не нужны деньги.

– Но при теперешнем положении дел у тебя нет средств, чтобы жениться, чтобы купить свой участок земли, чтобы...

– Я не хочу жениться. А землей владеть нельзя. Никто не может владеть землей.

– С точки зрения британского законодательства, Меррипен, человек, безусловно, может владеть землей и домом, который на ней стоит.

– Шатер будет стоять там, где рухнет дворец, – ответил Кев.

Хатауэй устало усмехнулся.

– Я бы предпочел спорить с сотней ученых мужей, – сказал он Кеву, – нежели с одним цыганом. Хорошо, мы предоставим решать тебе. Но учти, Меррипен, жизнь представляет собой нечто более сложное, чем простое следование импульсивным побуждением. Человек должен оставить после себя след на земле.

– Зачем? – с искренним изумлением спросил Кев, но Хатауэй уже ушел, чтобы присоединиться к своей жене, подстригавшей розы в саду.

* * *

Примерно через год после возвращения Лео из Парижа семейство Хатауэй потрясла трагедия. До тех пор никто из них не знал настоящего горя, страха или печали. Они жили в своем домашнем мирке, словно в зачарованном лесу, в волшебной стране, тщательно оберегаемой от всех невзгод. Но мистер Хатауэй как-то вечером пожаловался на странную острую боль в груди, чем навел свою жену на мысль, что страдает от несварения после особенно сытного ужина. Он отправился спать рано, тихий и бледный, и утром миссис Хатауэй вышла из их спальни в слезах и сообщила ошеломленным членам семьи, что их отец скончался.

И это было лишь первым несчастьем из череды бед, которые обрушились на семью Хатауэй. Казалось, что на их головы пало проклятие, и насколько полновесным было их счастье, настолько же тяжким стало горе. «Беда не приходит одна» – эту поговорку Меррипен помнил с детства, и, к его глубочайшему сожалению, так оно и случилось.

Миссис Хатауэй горевала так, что слегла после похорон мужа и впала в черную меланхолию. Ее с трудом могли уговорить поесть и попить. Ни одна из попыток ее детей вернуть ее к прежней жизни не увенчалась успехом. За поразительно короткое время она исхудала так, что в ней с трудом можно было узнать прежнюю цветущую женщину.

– Можно ли умереть от разбитого сердца? – мрачно спросил Лео как-то утром, когда врач, пришедший к их матери, сообщил, что не находит у нее никакой телесной болезни, что могла бы вызвать столь стремительное увядание.

– Она могла бы хотеть жить хотя бы ради Поппи и Беатрикс, – сказала Амелия, стараясь не повышать голоса. В это время Поппи укладывали спать в соседней комнате. – Они еще совсем дети. Не важно, сколько времени мне пришлось бы жить с разбитым сердцем, я все равно заставила бы себя жить, хотя бы для того, чтобы о них позаботиться.

– Но у тебя железная воля, – сказала Уин, похлопав сестру по спине. – Ты сама источник силы. Боюсь, что мама всегда черпала силы в отце. – Она посмотрела на Меррипена своими синими глазами, в которых застыло отчаяние. – Меррипен, чем цыгане изгоняют меланхолию? Назови лекарство. Не важно, какое оно, лишь бы помогло. Как на это смотрят твои соплеменники?

Кев покачал головой и, отведя взгляд, уставился в огонь камина.

– Они бы оставили ее в покое. Цыгане с опаской относятся к чрезмерной скорби.

– Почему?

– Потому что она искушает мертвых вернуться и преследовать живущих.

Все четверо замолчали, прислушиваясь к тому, как шипят угли.

– Она хочет быть со своим мужем, – сказала Уин. Тон ее был задумчивым. – Куда бы он ни ушел. Сердце ее разбито. Увы, это так. Я бы обменяла свою жизнь, свое сердце на ее сердце, на ее жизнь, если бы такой обмен был возможен. Я бы хотела... – Она замолчала на полуслове и едва не вскрикнула, когда Кев сжал ее предплечье.

Он не заметил, как случилось, что он потянулся к ней, но ее слова заставляли его совершать нерациональные поступки.

– Не говори этого, – пробормотал Кев. Он не так далеко отошел от своего цыганского прошлого, чтобы не знать силу слов, которые искушают судьбу.

– Почему нет? – прошептала она.

Потому что ее сердце, ее жизнь ей не принадлежали.

«Твое сердце – мое! – яростно произнес он про себя. – Оно принадлежит мне».

И хотя он не произнес этих слов вслух, отчего-то ему показалось, что Уин их услышала. Глаза ее расширились, потемнели, и лицо запылало от прилива сильных эмоций. И прямо там, на глазах у своего брата и сестер, она опустила голову и прижалась щекой к тыльной стороне ладони Кева.

Кеву так хотелось успокоить ее, покрыть поцелуями, обнять сильными руками, но он лишь осторожно отпустил ее руку и украдкой, с опаской посмотрел на Амелию и Лео. Амелия достала из корзины хворост и подбросила в огонь. Лео смотрел на Уин.

Меньше чем через шесть месяцев после кончины мужа миссис Хатауэй легла в землю рядом с ним. И еще до того как дети осознали, что осиротели с такой жестокой внезапностью, на них свалилась третья беда.

* * *

– Меррипен. – Уин стояла на пороге коттеджа, не решаясь войти. На лице ее было такое странное выражение, что Кев тут же вскочил на ноги.

Кев сильно устал и был в грязи. Он только что вернулся от соседей, для которых строил забор и ворота. Чтобы вбить колья, Кев выдалбливал лунки в земле, которую уже успел схватить мороз. Он едва успел присесть рядом с Амелией, которая была занята тем, что пыталась удалить пятна с платья Поппи, держа в руках гусяное перо, которое обмакивала в скипидар. Запах скипидара обжег ноздри Кева, когда он стремительно втянул воздух. По лицу Уин он понял, что произошло что-то плохое.

– Сегодня я была с Лаурой и Лео, – сказала Уин. – Лаура заболела... Она сказала, что у нее болит горло, и потому мы сразу отвели ее домой, и родители ее послали за доктором. Он сказал, что у нее скарлатина.

– О господи! – выдохнула Амелия, мгновенно побледнев. Все трое застыли от ужаса.

Не было болезни, которая распространялась бы с такой стремительностью и косила бы людей с такой безжалостностью. При этой болезни на теле выступала ярко-красная сыпь и кожа становилась похожа на наждачную бумагу, которую используют для полировки древесины. Скарлатина пробиралась внутрь, поражая жизненно важные органы. Болезнь была в воздухе, который выдыхал заразившийся человек, держалась на его волосах, на коже. Остановить заражение можно было, только изолировав больного.

– Он уверен? – спросил Кев, стараясь говорить спокойно.

– Да, он сказал, что симптомы ни с чем не спутать. И он сказал...

Уин замолчала, когда Кев шагнул к ней.

– Нет, Меррипен! – И она подняла тонкую белую руку с такой непоколебимой властью, что Кев невольно остановился. – Никто не должен подходить ко мне. Лео в доме Лауры. Он ее не бросит. Они сказали, что он может там остаться, и... ты должен забрать Поппи и Беатрикс, и Амелию тоже, и отвезти их к нашим кузенам в Хеджерли. Им это не понравится, но они все равно их приютят и...

– Я никуда не поеду, – сказала Амелия, как всегда спокойно и хладнокровно, хотя было заметно, что она слегка дрожит. – Если ты заразилась, то я буду

нужна тебе, чтобы ухаживать за тобой.

- Но если ты подхватишь болезнь...

- Я перенесла легкую форму болезни, когда была маленькой. Это означает, что я скорее всего не могу заразиться.

- А как насчет Лео?

- Боюсь, Лео не болел скарлатиной в детстве, а это означает, что он в опасности. - Амелия посмотрела на Кева. - Меррипен, ты когда-нибудь...

- Я не знаю.

- Тогда тебе следует оставаться с детьми, пока все не закончится. Ты не сходишь за девочками? Они отправились играть на ручей. Я соберу их вещи.

Кев не мог даже помыслить о том, чтобы оставить Уин, когда она могла заболеть, но выбора у него не было: кто-то должен был доставить детей в безопасное место.

Не прошло и часа, как Кев отыскал Беатрикс и Поппи, усадил изумленных девочек в семейный экипаж и повез в Хеджерли, который находился в половине дня пути от Примроуз-Плейс. К тому времени как он передал их из рук в руки кузенам и вернулся в коттедж, было уже далеко за полночь.

Амелия была в гостиной в ночной рубашке и халате. Понурился плечи, она сидела перед камином.

Когда Кев зашел в дом, она с удивлением подняла глаза.

- Тебе не следует здесь находиться. Опасность...

- Как она? - перебил ее Кев. - Есть какие-нибудь симптомы?

– Озноб. Боль. Температура пока не поднималась, насколько я могу судить. Возможно, это хороший знак. Возможно, это означает, что у нее легкая форма.

– Что-нибудь известно о Лауре? О Лео?

Амелия покачала головой.

– Уин сказала, что он собирался спать в гостиной и приходить к ней, когда ему позволят. Это не совсем правильно, но если Лаура... если ей не дано пережить болезнь... – Амелия замолчала, чтобы сглотнуть слезы. – Думаю, что, если до этого дойдет, они не захотят лишать Лауру последних минут с мужчиной, которого она любит.

Кев сел рядом и молча стал перебирать в уме все банальности, что говорят друг другу гаджо о выдержке, о покорности воле Всевышнего, о лучших мирах. Он не мог заставить себя повторить что-либо из этой чепухи Амелии. Ее горе было слишком искренним, ее любовь к семье слишком реальной.

– Я не смогу пережить смерть еще одного близкого человека, – прошептала она чуть погодя. – Я так боюсь за Уин. Я боюсь за Лео. – Она потерла лоб. – Я похожа на жалкую трусиху, да?

Кев покачал головой:

– Ты была бы душой, если бы не боялась.

В ответ она невесело усмехнулась:

– Тогда я определенно не дура.

* * *

К утру у Уин начался сильнейший жар. Она металась под покрывалом. Кев подошел к окну и распахнул шторы, впуская в комнату слабый утренний свет.

Она очнулась, когда он подошел к кровати. Ее голубые глаза на покрасневшем, покрытом сыпью лице были широко распахнуты.

- Нет! - сдавленно воскликнула она, пытаясь отстраниться. - Ты не должен здесь находиться. Не подходи ко мне. Ты подхватишь эту заразу. Пожалуйста, уходи.

- Тише, - сказал Кев, присев на край матраса. Он схватил Уин, когда она попыталась откатиться, и положил ладонь ей на лоб. Он чувствовал, как пульсирует кровь под обжигающе горячей тонкой кожей.

Когда Уин попыталась его оттолкнуть, Кев поразился тому, как сильно она ослабла.

- Не надо, - всхлипывая, повторяла она. Слезы бессилия текли по ее щекам. - Пожалуйста, не прикасайся ко мне. Я не хочу, чтобы ты был здесь. Я не хочу, чтобы ты заболел. О, пожалуйста, уходи...

Кев привлек ее к себе. Тело ее было как живое пламя под тонким покровом ночной рубашки. Бледный шелк ее волос струился по ним обоим. И он стал баюкать ее голову на своей ладони, на крепкой, выдавшей вида руке кулачного борца.

- Ты сошла с ума, - сказал он тихо, - если думаешь, что я оставлю тебя сейчас. Я позабочусь о том, чтобы с тобой все было хорошо, чего бы это ни стоило.

- Мне не выжить, - прошептала она.

Кева потрясли ее слова, но еще больше его потрясла собственная реакция на них.

- Я умру, - сказала она, - и я не возьму тебя с собой.

Кев прижал ее к себе сильнее, так что она дышала ему прямо в лицо. Как бы она ни уворачивалась, он ее не отпустит.

- Перестань! - воскликнула она, отчаянно пытаясь вырваться. От усилий она еще гуще покраснела. - Это безумие... О, упрямец, отпусти меня!

- Никогда. - Кев гладил ее по распущенным растрепанным волосам. Пряди потемнели там, где их омочили ее слезы. - Полегче, - бормотал он, - не изматывай себя. Отдохни.

Уин затихла, осознав тщетность попыток вырваться.

- Ты такой сильный, - слабым голосом произнесла она, и в словах ее была не похвала, а осуждение. - Ты такой сильный...

- Да, - сказал Кев, краем простыни утирая ее лицо. - Я сильный, жестокий и безжалостный, и ты всегда об этом знала, верно?

- Да, - прошептала она.

- И ты сделаешь так, как я скажу. - Он баюкал ее, прижимая к груди. - Попей.

Она с трудом сделала несколько глотков, преодолевая боль.

- Я не могу, - выдавила она, отворачиваясь.

- Еще, - настаивал он, поднеся чашку к ее губам.

- Дай мне поспать, пожалуйста.

- После того как ты попьешь еще.

Кев не унимался, пока она не сдалась со стоном. Уложив ее на подушки, он дал ей подремать несколько минут, затем вернулся с тостом, вымоченным в бульоне. Он не отставал от нее, пока не заставил съесть немного.

К этому времени проснулась Амелия и вошла в комнату Уин. Амелия лишь сморгнула дважды, словно не верила своим глазам, при виде того, как Кев, обнимая Уин одной рукой, кормит ее.

- Избавься от него, - хрипло сказала Уин, обращаясь к сестре. Голова ее покоилась у Кева на плече. - Он мучает меня.

– Ну, мы всегда знали, что он враг рода человеческого, – вполне серьезно сказала Амелия, подойдя к постели сестры. – Как ты смеешь так себя вести, Меррипен? Пробраться в спальню ни о чем не подозревающей девушки и скормить ей тост?

– У нее пошла сыпь, – сказал Кев, заметив высыпания на шее и щеках Уин. Ее шелковистая кожа сделалась шершавой и красной. Он почувствовал, как Амелия дотронулась до его спины, вцепилась в его рубашку, словно должна была держаться за что-нибудь, чтобы не упасть.

Но голос у Амелии звучал ровно и спокойно, как ни в чем не бывало.

– Я приготовлю содовый раствор. Это успокоит кожу, дорогая.

Кев невольно восхитился самообладанием Амелии. Она готова была принять любой вызов, который бросала ей судьба. Из всех Хатауэев у нее был самый сильный характер. И все же Уин должна была бы быть еще сильнее и еще упрямее, если хотела выжить.

– Пока ты искупаешь ее, я приведу врача.

Не то чтобы он доверял врачам из числа гаджо, но присутствие доктора успокаивало сестер. Кев также хотел узнать, как идут дела у Лауры и Лео.

Оставив Уин заботам Амелии, Кев направился к Диллардам, но горничная, которая открыла дверь, сказала, что к Лео нельзя.

– Он там с мисс Лаурой, – срывающимся голосом добавила девушка, закрывая лицо полотенцем. – Она никого не узнает. Ей все хуже и хуже, сэр.

Кев почувствовал, как ногти его впились в ладони. Уин была более хрупкой и слабой, чем Лаура Диллард. Если Лаура умирала, то едва ли Уин сможет пережить болезнь.

Следующая мысль Кева была о Лео, который не был ему братом по крови, но определенно был членом его семьи. Лео любил Лауру Диллард так сильно, что едва ли смог бы принять ее смерть рационально, если вообще способен ее

принять.

– Каково состояние мистера Хатауэя? – спросил Кев. – У него есть какие-нибудь симптомы болезни?

– Нет, сэр. Не думаю. Я не знаю.

Но, судя по тому, как горничная отвела слезящиеся глаза, Кев понял, что Лео нездоров. Он хотел забрать Лео, снять с поста у постели умирающей, и сделать это прямо сейчас, пока у него еще оставались силы. Но было бы жестоко лишать Лео последних часов с женщиной, которую он любил.

– Когда она умрет, – без обиняков сказал Кев, – отправьте его домой. Но не позволяйте ему идти одному. Пусть кто-нибудь проводит его до порога дома Хатауэев. Вы понимаете?

– Да, сэр.

Через два дня Лео пришел домой.

– Лаура умерла, – сказал он и провалился в беспамятство лихорадки и горя.

Глава 4

Скарлатина, свирепствовавшая в округе, была необычайно опасной. Чаще всего заболевшие умирали. Болезнь не щадила никого, но старики и дети погибали чаще. Врачей не хватало, и никто из живущих за пределами Примроуз-Плейс не решался приходить к больным. Навестив двух пациентов в доме Хатауэев, смертельно уставший врач прописал уксусные полоскания для горла. Еще он оставил отвар, содержащий настойку аконита. Но похоже, ни то ни другое средство никак не помогало ни Уин, ни Лео.

– Мы недостаточно делаем для их выздоровления, – сказала Амелия на четвертый день. Ни она, ни Кев не высыпались, по очереди дежуря у больных брата и сестры. Амелия зашла на кухню, когда Кев кипятил воду для чая. –

Единственное, в чем мы пока преуспели, это в том, чтобы облегчить их страдания. Но должно же быть какое-то средство, чтобы остановить болезнь. Я не могу допустить, чтобы случилось самое страшное. – Она стояла с очень прямой спиной и дрожала, нанизывала слово на слово, словно так могла укрепить линию обороны.

Она выглядела такой беззащитной, что Кев испытал к ней сочувствие. Ему было неловко прикасаться к другим людям, как было неловко, когда прикасались к нему, но братское чувство побудило его подойти к ней.

– Нет, – быстро сказала Амелия, когда осознала, что он собирается прикоснуться к ней. Отступив, она покачала головой. – Я... Я не из тех женщин, что могут на кого-то опереться. Тогда я просто рассыплюсь на кусочки.

Кев понимал, о чем она. Для таких людей, как она или как он, близость означала слишком много.

– Что можно сделать? – шепотом спросила Амелия, обхватив себя руками.

Кев потер усталые глаза.

– Ты слышала о растении, называемом белладонна?

– Нет. – Амелия была знакома лишь с растениями, которые употребляют в пищу.

– Она цветет только ночью. Когда солнце встает, цветки погибают. В моем племени был травник, драбенгро, и он говорил мне, что белладонна самое сильное растение из известных ему. Оно способно убить человека, но оно же способно поднять его со смертного одра.

– Ты когда-нибудь видел, как оно действует?

Кев кивнул.

– Я видел, как оно излечило лихорадку, – пробормотал он и стал ждать ее ответного слова.

– Достань этой травы, – сказала наконец Амелия. Голос ее дрожал. – Возможно, оно их убьет. Но без него они оба наверняка погибнут.

* * *

Кев вываривал в котелке до состояния черного сиропа растения, которые нарвал у кладбищенской ограды. Амелия стояла рядом с ним, когда он нацедил смертельное зелье в маленькую мензурку.

– Вначале Лео, – решительно заявила она, хотя на лице ее читалось сомнение. – Ему сейчас хуже, чем Уин.

Они подошли к постели Лео. Поразительно, как быстро может съесть человека скарлатина. Каким истощенным сделался всего за несколько дней их доселе крепкий, пышущий здоровьем брат. Некогда красивое лицо Лео стало неузнаваемым: отекшее, бесформенное, бледное. Последние членораздельные слова он произнес вчера, когда умолял Кева дать ему умереть. Совсем скоро его желание должно было исполниться.

Амелия направилась прямо к окну и распахнула его, прогоняя стойкий запах уксуса.

Лео застонал и зашевелился, не в силах сопротивляться, когда Кев открыл ему рот, вставил в него ложку и вылил на сухой обметанный язык немного отвара.

Амелия села у постели брата и стала гладить по волосам и целовать в лоб.

– Если... если воздействие окажется неблагоприятным, – сказала она, тогда как Кев понимал, что под неблагоприятным воздействием она имела в виду возможность того, что варево его убьет, – когда это случится?

– От пяти минут до часа. – Кев видел, как вздрогнула рука Амелии, которой она гладила Лео по голове.

Этот час, казалось, был самым долгим в жизни Кева. Они сидели и смотрели на Лео, который метался и бормотал, словно ему снился кошмар.

– Бедный мальчик, – бормотала Амелия, меняя холодные компрессы у него на лбу.

Когда они убедились в том, что конвульсий ждать не приходится, Кев взял с тумбочки мензурку и встал.

– Ты собираешься дать это Уин сейчас? – спросила Амелия, по-прежнему глядя на брата.

– Да.

– Тебе нужна помощь?

Кев покачал головой.

– Оставайся с Лео.

Кев направился в комнату Уин. Она неподвижно и тихо лежала в кровати. Она больше не узнавала его, сознание ее и тело были охвачены пламенем лихорадки. Когда он приподнял ее так, что голова ее откинулась ему на предплечье, она заерзала, протестуя.

– Уин, – тихо сказал он, – любовь моя, лежи смирно. – Глаза ее приоткрылись при звуке его голоса. – Я здесь, – прошептал он. Он взял ложку и опустил в мензурку. – Открой рот, малышка гаджо. Сделай это для меня.

Но она отказывалась. Она повернулась к нему лицом, и губы ее зашевелились.

– Что? – пробормотал он. – Уин, ты должна принять лекарство.

Она снова зашептала.

Разобрав ее еле слышный шепот, Кев, не веря своим ушам, уставился на нее.

– Ты выпьешь лекарство, если я назову тебе свое имя?

Она с трудом собрала силы, чтобы сказать:

- Да.

В горле его встал ком. Этот ком душил его. Уголки глаз жгло.

- Кев, - с трудом выговорил он. - Меня зовут Кев.

Тогда она позволила ему просунуть ложку между губами, и чернильная жидкость по каплям потекла ей в горло.

Тело ее обмякло в его объятиях. Он продолжал держать ее: хрупкую, почти невесомую, жаркую, как язычок пламени.

«Я последую за тобой, - подумал он, - какой бы ни была твоя судьба».

На свете ему хотелось лишь одного, и этим одним была она, Уин. Он не позволит ей уйти, оставив его одного.

Кев наклонился к ней и притронулся губами к ее сухим горячим губам.

Поцелуй, которого она не почувствует, о котором не вспомнит.

Он почувствовал яд на вкус, задержавшись губами на ее губах. Подняв голову, он посмотрел на тумбочку, где оставалась изрядная порция смертельного отвара. Там было более, чем достаточно, чтобы убить здорового мужчину.

Казалось, что единственное, что удерживало душу в теле Уин, были объятия Кева. И поэтому он держал ее на руках и качал. Он подумал о том, не прочесть ли ему молитву. Но он не признавал ни одного существа, смертного или бессмертного, которое угрожало бы забрать ее у него.

Весь мир сжался до размеров этой тихой затененной комнаты, до этого маленького тела у него на руках, до воздуха, что проходил через ее легкие. Он слился с ритмом ее дыхания, и сердце его билось точно в такт ее сердцу. Откинувшись на изголовье кровати, он впал в транс, ожидая приговора судьбы. Общего для них обоих.

Он не знал, сколько времени прошло. Он баюкал ее на руках и тогда, когда услышал шаги за дверью и в комнату проник свет из дверного проема.

- Меррипен, - хрипло проговорила Амелия. Она держала в руках свечу.

Кев на ощупь отыскал щеку Уин, провел по ней ладонью и испытал ужас, не ощутив жара. Он нащупал пульс на шее.

- У Лео спал жар, - сказала Амелия. Кев едва слышал ее - так сильно шумела кровь в ушах. - Он выздоровеет.

Под пальцами Кева ощущалось слабое, но равномерное биение. Биение сердца Уин... пульс, на котором держалась его вселенная.

Глава 5

Прибавление в семействе Хатауэй в лице Кэма Рохана принесло большие перемены. Поразительно, как один человек может так сильно изменить жизнь большой семьи. Поразительно и возмутительно.

Впрочем, Кева сейчас все возмущало. Уин уехала во Францию, и ничто теперь не вынуждало его быть любезным или даже просто вежливым. Ее отсутствие бросило его в пучину гнева той природы, какой может испытывать дикий зверь, лишенный своей самки. Он всегда чувствовал потребность в ней, и сознание того, что она находится там, куда ему нет доступа, было для Кева невыносимым.

Кев забыл, каково это: черной ненавистью ненавидеть весь мир и всех в нем живущих. Это чувство стало непрошеным напоминанием о детских годах, когда он не знал ничего, кроме насилия и страдания. И при этом все члены семьи Хатауэй рассчитывали, что он будет вести себя как обычно, принимать участие в обыденных семейных делах, делать вид, что Земля продолжает вращаться.

Единственное, что уберегало его от потери рассудка, – это сознание того, что он должен поступать так, как хотела того она. Она хотела, чтобы он позаботился о ее сестрах. И она бы не хотела, чтобы он убил мужа своей сестры.

Кев с трудом выносил ублюдка.

Все прочие его обожали. Кэм Рохан, словно налетевший вихрь, увлек Амелию, давно смирившуюся с тем, что она никогда не выйдет замуж. Он соблазнил ее, если называть вещи своими именами, за что Кев не мог его простить. Но Амелия была очень счастлива со своим мужем, при том что тот был наполовину цыган.

Никто из них никогда не встречал никого похожего на Рохана, чье происхождение было столь же загадочным, как происхождение самого Кева. Большую часть своей жизни Рохан проработал в «Дженнерс», игорном клубе для джентльменов. Со временем он стал доверенным слугой, а затем и приобрел небольшое количество акций в необычайно доходном бизнесе. Обремененный растущим состоянием, Рохан инвестировал средства в самые безумные проекты, поскольку для цыгана богатым быть неприлично и стыдно. Но деньги продолжали прирастать, и чем безумнее казался проект, тем выше оказывались дивиденды. Рохан лишь разводил руками, называя свою удачу проклятием.

Но оказалось, что проклятие Рохана могло быть полезным, поскольку забота о семействе Хатауэй требовала немалых средств. Их фамильное имение в Гемпшире, которое Лео унаследовал в прошлом году вместе с титулом, недавно сгорело и требовало перестройки. И Поппи нужны были платья для первого лондонского сезона, и Беатрикс хотела закончить школу. И еще надо было оплачивать счета за лечение Уин в клинике. Как веско заметил Рохан, он был в состоянии многое сделать для Хатауэев, и хотя бы по этой причине Кев мог бы относиться к нему толерантно.

И Кев его терпел.

С трудом.

* * *

– Доброе утро, – весело поприветствовал Рохан семейство. Они сидели за столом в обеденной комнате номера люкс, который Рохан снимал для них в отеле «Ратледж». Все уже давно приступили к завтраку. В отличие от прочих членов семьи Рохан не любил вставать рано. Неудивительно – ведь большую часть жизни ему приходилось работать по ночам в игорном клубе. Городской цыган, презрительно подумал Кев.

Чистый, сразу после ванны, в одежде гаджо, Рохан был необычайно хорош собой. Его темные волосы были чуть длиннее, чем это принято у гаджо, и в одном ухе сверкала сережка с бриллиантом. Худой и гибкий, он двигался легко и грациозно. Перед тем как сесть на стул рядом с Амелией, он наклонился и поцеловал ее в темя, и это открытое выражение привязанности заставило ее порозоветь от смущения. В недавнем прошлом Амелия относилась к такого рода демонстративным жестам с предубеждением, но теперь, несмотря на смущение, ей было приятно.

Кев угрюмо уставился в тарелку.

– Ты все еще хочешь спать? – услышал он обращенные к Рохану слова Амелии.

– Я окончательно просыпаюсь только к полудню, ты же знаешь.

– Тебе следует выпить кофе.

– Нет уж, спасибо, я терпеть не могу этот напиток.

Тогда заговорила Беатрикс:

– Меррипен пьет много кофе. Он его обожает.

– Неудивительно, – сказал Рохан. – Кофе черный и горький. – Он усмехнулся, встретив неприветливый взгляд Кева. – Как чувствуешь себя, фрал?

– Не называй меня так. – Несмотря на то что Кев не повышал голос, в его интонации было столько ярости, что все замолчали и уставились на него.

Амелия обратилась к Рохану нарочито беззаботным тоном:

– Мы сегодня идем к портнихе: Поппи, Беатрикс и я. Нас скорее всего не будет до самого ужина. – Амелия принялась описывать наряды, шляпки и прочие модные аксессуары, которые им понадобятся, а Беатрикс незаметно пожалала Кеву руку.

– Я тебя понимаю, – прошептала Беатрикс. – Я тоже по ним скучаю.

Шестнадцатилетняя Беатрикс, младшая из сестер Хатауэй, находилась в том трудном возрасте, когда детство уже кончилось, а взрослость еще не наступила. Порой вздорная, как это часто бывает с девушками ее возраста, Беатрикс была при этом доброй, ласковой и любопытной, как и ее многочисленные питомцы. С тех пор как Амелия вышла замуж за Рохана, она постоянно упрашивала отправить ее в школу. Кев подозревал, что она начиталась романов, героини которых приобретали утонченность и грацию в академиях для юных леди. Он сомневался в том, что бойкой, с непростым характером Беатрикс понравится в школе.

Отпустив руку Кева, Беатрикс переключила внимание на разговор о недавнем проекте Рохана, в который он инвестировал немалую сумму.

Для Рохана стало своего рода игрой вложение средств в проекты, которые имели наименьшие шансы на успех. В последний раз он приобрел резиновую мануфактуру в Лондоне, которая была на грани банкротства. Однако, как только компания стала его собственностью, Кэм приобрел патент на вулканизацию резины и еще один – на изобретение, позволяющее производить нечто вроде резинового обода. Новый продукт с поразительной скоростью и размахом завоевал рынок. Компания процветала.

– Этот проект точно провалится, – говорил между тем Кэм. – Вкратце история такова: два брата-кузнеца придумали движущуюся конструкцию, которая приводится в действие мускульной силой. Они назвали свою машину волоциклом. Два колеса крепятся на обтекаемую стальную раму. Колеса вращаются с помощью педалей, которые толкаются ступнями.

– Всего два колеса? – в недоумении переспросила Поппи. – Как на нем можно ездить не падая?

– Водителю придется удерживать равновесие, регулируя положение центра масс над колесами.

– А как поворачивать эту конструкцию?

– И, что еще важнее, как ее останавливать? – подчеркнуто сухим тоном поинтересовалась Амелия.

– Путем приложения тела к земле? – предположила Поппи.

Кэм засмеялся.

– Вероятно. Мы, конечно же, запустим эту машину в производство. Уэстклифф говорит, что более безнадежного вложения капитала ему не встречалось. Волоцикл выглядит дьявольски неудобным и требует от того, кто будет им управлять, развитого чувства равновесия, которое намного превосходит то, каким могут похвастаться большинство людей. Мало кто сможет позволить себе подобную покупку, а о практической стороне и говорить не приходится. В конце концов, какой здравомыслящий человек станет разъезжать по улице на двухколесном хитроумном монстре, вместо того чтобы спокойно ехать на лошади?

– Хотя попробовать на нем покататься было бы весело, – задумчиво протянула Беатрикс.

– Это не то изобретение, которое следовало бы испытывать девушке, – веско заметила Поппи.

– Почему нет?

– Юбки будут мешать.

– А почему мы должны носить юбки? – спросила Беатрикс. – Я думаю, брюки были бы куда удобнее.

Амелия, казалось, была шокирована и позабавлена одновременно.

– Об этом лучше не говорить нигде за пределами семейного круга, моя дорогая. – Взяв стакан воды, она подняла его и шутливо изобразила тост. – Ну, тогда за твой первый провал, – сказала она, обращаясь к мужу. – Я надеюсь, ты не станешь рисковать всем имуществом семьи, пока мы не дойдем до портнихи?

Он усмехнулся.

– Не беспокойся за все имущество, дорогая. Наслаждайся покупками.

Когда завтрак закончился, женщины покинули комнату. Рохан и Кев вежливо встали, провожая дам.

Опустившись на стул, Рохан заметил, что Кев направился к выходу.

– Куда идешь? – с ленцой в голосе поинтересовался Рохан. – Встречаешься с портным? Собираешься обсудить последние политические новости в местной кофейне?

– Если ты поставил себе целью меня завести, – проинформировал его Кев, – то напрасно тратишь силы. Ты раздражаешь меня уже тем, что дышишь рядом.

– Прости меня. Я постараюсь избавиться от привычки, но мне она нравится все больше. – Рохан указал на стул. – Составь мне компанию, Меррипен. Нам надо кое-что обсудить.

Кев нехотя пошел ему на уступку.

– Ты не любишь много говорить, верно? – заметил Рохан.

– Лучше молчать, чем сотрясать воздух бессмысленной болтовней.

– Согласен. Тогда сразу перехожу к делу. Пока Лео... лорд Рамзи... находится в Европе, его поместье, его финансовые дела и три его сестры оставлены на попечение паре цыган. Я не назвал бы такую ситуацию идеальной. Если бы Лео мог остаться, если бы его состояние допускало такую возможность, я бы удержал его здесь, а во Францию вместе с Уин отправил бы Поппи.

Но состояние Лео оставляло желать лучшего, как им обоим было известно. С тех пор как умерла Лаура Диллард, Лео неуклонно катился вниз, превратившись в надломленного, бессмысленно прожигавшего жизнь человека. И хотя со временем он примирился со своей потерей, дорога к исцелению – как тела, так и души – обещала быть долгой.

– Ты действительно веришь, – спросил Кев полным презрения тоном, – что Лео добровольно ляжет в клинику, чтобы лечиться?

– Нет. Но он будет жить неподалеку, чтобы присматривать за Уин. И жить он будет вдалеке от соблазнов, так что, если захочет натворить дел, ему придется для этого сильно постараться. К тому же перемена обстановки может пойти ему на пользу. Он уже был во Франции и преуспел там, когда учился на архитектора. Возможно, сейчас знакомое окружение поможет ему вновь обрести себя.

– О, – мрачно возразил Кев, – он уедет в Париж и погрузится в пьянство и разврат.

Рохан пожал плечами.

– Будущее Лео в его руках. Я больше озабочен тем, с чем мы оба столкнулись здесь. Амелия хочет, чтобы Поппи участвовала в лондонском сезоне, а Беатрикс отправилась в школу. И в то же время перестройка усадебного дома в Гемпшире должна продолжаться. То, что осталось после пожара, необходимо снести, подготовить площадку для строительства...

– Я знаю, что должно быть сделано.

– Тогда ты берешься за это? Тебе предстоит работать с архитекторами, строителями, каменщиками, плотниками и так далее. Так как?

Кев неприязненно смотрел на него.

– От меня тебе не так легко избавиться. И будь я проклят, если стану на тебя работать или отвечать перед тобой...

– Подожди! – Рохан всплеснул руками, и золотые кольца на его смуглых пальцах ярко блеснули. – Подожди. Видит бог, я не пытаюсь от тебя избавиться. Я обещаю партнерство. Откровенно говоря, перспектива меня радует не больше, чем тебя. Но необходимо многое сделать. И мы куда больше выиграем от того, что будем вместе работать, чем от того, что будем ставить друг другу палки в колеса.

Рассеянно взяв в руки столовый нож, Кев провел пальцами по тупому лезвию и по позолоченной ручке с замысловатым узором.

– Хочешь, чтобы я отправился в Гемпшир и присмотрел за работой там, пока ты будешь жить в Лондоне с женщинами?

– Ты можешь приезжать и уезжать, когда сочтешь нужным. Я буду время от времени приезжать в Гемпшир, чтобы посмотреть, как идут дела. – Рохан внимательно посмотрел на Кева. – Тебя же ничто в Лондоне не держит, верно?

Кев покачал головой.

– Тогда договорились? – с нажимом в голосе спросил Рохан.

Как ни неприятно было Кеву признаваться в этом, но план Рохана имел свою привлекательность. Кев ненавидел Лондон с его суетой, гарью, толпами людей и шумом. Он тосковал по деревне. И мысль о том, чтобы перестроить особняк, с головой погрузиться в работу и забыться в ней... Ему пошло бы это на пользу. Кроме того, он лучше, чем кто-либо другой, знал о том, в чем нуждается поместье Рамзи. Может, Рохан и знал в Лондоне каждый закоулок, каждую улицу и площадь, но деревенская жизнь была ему совсем незнакома. В том, чтобы Кев взял на себя заботу о поместье Рамзи, определенно был здравый смысл.

– Я захочу кое-что усовершенствовать не только в самой усадьбе, – сказал Кев, положив нож. – Надо отремонтировать заграждения на полях. Необходимо выкопать дренажные каналы. Фермеры до сих пор молотят зерно цепями и жнут серпами, потому что у них нет молотилок. В поместье нужно устроить свою пекарню, чтобы избавить жителей от необходимости ходить в деревню за хлебом. И еще...

– Делай все, что сочтешь нужным, – торопливо сказал Рохан, продемонстрировав типичное для столичного жителя отсутствие интереса к сельскому хозяйству. – Привлечение большего числа арендаторов, разумеется, пойдет помещью на пользу.

– Я знаю, что ты уже нанял архитектора и застройщика. Но отныне и впредь я буду тем единственным человеком, к которому они будут обращаться с вопросами. Мне необходим доступ к счетам Рамзи. И я собираюсь набрать рабочих, а управлять ими буду без твоего вмешательства.

У Рохана брови поползли вверх. Он не ожидал от Кева такого командного тона.

– Хорошо.

– Ты согласен на мои условия?

– Да. – Рохан протянул ему руку. – Ну что, по рукам?

Кев стоял, делая вид, что не замечает протянутой руки.

– Не вижу смысла пожимать руки.

Белые зубы Рохана блеснули в улыбке.

– Меррипен, неужели было бы так ужасно попытаться со мной подружиться?

– Мы никогда не будем друзьями. В лучшем случае мы можем быть врагами, объединенными одной целью.

Рохан продолжал улыбаться:

– Полагаю, конечный результат остается тем же. – Он подождал, пока Кев подойдет к двери, а потом сказал словно невзначай: – Кстати, я собираюсь заняться вопросом о татуировках. Если между нами есть связь, я хотел бы выяснить, в чем именно она состоит.

– На меня в этом можешь не рассчитывать, – угрюмо ответил Кев.

– Отчего же? Тебе не любопытно?

– Ни в малейшей степени.

Карие глаза Рохана смотрели на него подозрительно.

– У тебя нет связей ни с прошлым, ни с цыганами, и ты ничего не знаешь о том, зачем в раннем детстве на руку тебе нанесли столь редкий рисунок. Что ты боишься узнать?

– Ты столь же долго носишь такую же татуировку, – огрызнулся Кев. – И знаешь о ней не больше, чем я. Отчего сейчас она так тебя заинтересовала?

– Я... – Рохан рассеянно потер рукой место, где под рукавом сорочки находилась татуировка. – Я всегда полагал, что мне ее сделали, выполняя какую-то странную причуду моей бабушки. Она никогда не рассказывала, почему у меня на руке эта отметина, и никогда не говорила, что она означает.

– А она знала?

– Думаю, да. – Рохан усмехнулся. – Кажется, она знала все на свете. Она была знахаркой, отлично разбиралась в травах и верила в бити-фоки.

– В волшебников? – презрительно скривив губы, уточнил Кев.

Рохан улыбнулся:

– О да. Она уверяла меня, что лично знакома со многими из них. – Озорной огонек исчез из его глаз. – Когда мне было примерно десять лет, бабушка отправила меня из табора. Она сказала, что мне грозит опасность. Мой двоюродный брат Ной привез меня в Лондон и помог найти работу в игорном клубе – работу посыльного у букмекера. С тех пор я не видел никого из своего племени. – Рохан замолчал. На лицо его легла тень. – Меня сделали изгоем, я даже не знаю, за что. И у меня не было повода думать, что татуировка имеет к этому отношение. Не было, пока я не встретил тебя. У нас есть кое-что общее,

фрал: мы оба изгои и носим на себе изображение ирландского коня кошмаров. Думаю, что нам обоим будет полезно узнать, откуда оно взялось.

* * *

Следующие месяцы Кев был занят тем, что готовил поместье Рамзи к реконструкции. В деревню Стоуни-Кросс, рядом с которой располагалось поместье Рамзи, пришла зима, мягкая, без сильных морозов. Пожухлую траву на берегах Эйвона и Итчен покрывал иней. Потом на ветках ив появились сережки, мягкие и нежные, как хвостики ягнят, кизил пустил красные зимние ростки, расцветив унылый пейзаж.

Бригады рабочих под руководством Джона Дэшила, застройщика, которого наняли для перестройки усадебного дома, трудились на славу. Первые два месяца ушли на то, чтобы снести то, что осталось от прежнего дома, и расчистить площадку под будущее строительство, чтобы увезти обгорелые бревна и то, что осталось от каменной кладки. Маленький караульный домик на подъездной дороге был отремонтирован и заново обставлен для Хатауэев.

Как только в марте земля оттаяла, перестройка дома началась всерьез. Кев был уверен, что строителей заранее предупредили о том, что за выполнением работ следит цыган, поскольку они не возражали ни против его присутствия, ни против того, чтобы он отдавал распоряжения. Дэшину, человеку практичному и здравомыслящему, похоже, было все равно, являются ли его клиенты англичанами, цыганами или представляют иные национальности, лишь бы выплаты шли в срок и в полном объеме.

Примерно в конце февраля Кев совершил путешествие из Стоуни-Кросс в Лондон, которое заняло у него двенадцать часов. Он получил известие от Амелии о том, что Беатрикс бросила школу. Несмотря на то что Амелия написала, что все у них хорошо, Кев решил лично убедиться в том, что она написала правду. Два месяца он провел вдали от сестер Хатауэй, и эта разлука была самой долгой за всю историю их совместного проживания. Кев сам удивлялся тому, как сильно по ним соскучился.

Похоже, чувства оказались взаимными. Как только Кев зашел в их номер в отеле «Ратледж», Амелия, Поппи и Беатрикс разом бросились ему на шею. Он ворчливо терпел их объятия и поцелуи, втайне радуясь такому теплему приему.

Пройдя следом за сестрами в гостиную, Кев сел рядом с Амелией на кушетку, тогда как Кэм Рохан и Поппи заняли стулья. Беатрикс устроилась на низком табурете у ног Кева. Девушки выглядят здоровыми, подумал Кев. Все трое были красиво одеты и причесаны. У Амелии и Поппи темные волосы были подняты наверх и заколоты, ниспадая локонами, а у Беатрикс заплетены в косы.

Амелия выглядела особенно счастливой. Она словно лучилась изнутри, и это сияние могло объясняться лишь счастливым браком. Поппи расцвела и превратилась в настоящую красавицу с тонкими чертами лица и темно-каштановыми волосами, хотя красота ее была более приземленной, чем красота неприступной в своем совершенстве, изысканно-хрупкой светловолосой Уин. Беатрикс, напротив, выглядела подавленной. Она сильно похудела. Для любого, кто не знал ее прежде, Беатрикс казалась бы нормальной жизнерадостной девочкой, но Кев видел в ней пусть неявные и все же настораживающие признаки напряженности.

– Что произошло в школе? – с характерной для него грубой прямоотой спросил Кев.

Беатрикс обрадовалась возможности облегчить душу.

– О, Меррипен, это я во всем виновата. Школа ужасна. Меня от нее тошнит. Я подружилась с одной-двумя девочками, и мне было жаль расставаться с ними, однако с учителями у меня отношения не сложились. Я все время говорила в классе что-то не то, я все время задавала не те вопросы.

– Очевидно, – язвительно заметила Амелия, – методы обучения и ведения дискуссий, принятые в нашей семье, в школе не приветствуются.

– И несколько раз мне пришлось кое с кем подраться, – продолжала Беатрикс, – из-за того, что кое-кто из девчонок говорил, что родители велели им не водиться со мной, потому что у нас в семье есть цыгане и я тоже могу быть цыганкой. И я сказала, что я не цыганка, но даже если бы и была цыганкой, то не стала бы этого стыдиться, потому что стыдиться тут нечего.

Кев с Роханом обменялись взглядами. Их присутствие в семье Хатауэй было обузой для сестер, но... поделаться с этим ничего нельзя.

– Но тут, – сказала Беатрикс, – вернулась моя проблема.

Все замолчали.

Кев погладил Беатрикс по голове.

– Чави, – пробормотал он – так цыгане ласково называют молоденьких девушек.

Поскольку он редко говорил на родном языке, Беатрикс округлила глаза и удивленно на него посмотрела.

Впервые проблема Беатрикс заявила о себе после смерти мистера Хатауэя. И с тех пор она периодически возвращалась, когда Беатрикс была чем-то сильно встревожена или расстроена. У нее была мания красть мелкие предметы, такие как карандаши, или закладки, или столовые приборы. Иногда она даже не помнила, что взяла какую-то вещь. Позже она страдала от сильнейшего раскаяния и готова была на все, лишь бы вернуть вещь владельцу.

Кев убрал руку с головы Беатрикс и посмотрел на нее.

– Что ты брала, мой маленький хорек? – ласково спросил он.

Она досадливо закусила губу.

– Ленты для волос, гребешки, книги... всякую всячину. А потом я пыталась вернуть все обратно, но я не помнила, где что лежало. И поэтому поднялся шум, и я вышла и призналась, и меня попросили покинуть школу. А теперь я никогда не стану настоящей леди.

– Нет, станешь, – тут же возразила Амелия. – Мы найдем гувернантку. Собственно, так следовало поступить с самого начала.

Беатрикс с сомнением посмотрела на сестру.

– Не думаю, что мне бы хотелось иметь гувернантку. Ведь ей придется жить с нами постоянно.

- О, мы не такие уж плохие, как... - начала говорить Амелия.

- Да, мы такие, - сухо сообщила Поппи. - Мы были странными еще до того, как приняли мистера Рохана в семью. - Бросив быстрый взгляд в сторону Кэма, она добавила: - Я не хотела вас обидеть, мистер Рохан.

В глазах его зажглись озорные искры.

- Никто и не обиделся.

Поппи обратилась к Кеву:

- Как бы ни было трудно найти подходящую гувернантку, нам необходимо ее нанять. Мне нужна помощь. Мой первый сезон обернулся настоящей катастрофой, Меррипен.

- Прошло всего два месяца, - сказал Кев. - Как ты можешь делать такие выводы?

- Со мной никто не танцует.

- Такого быть не может.

- Со мной не просто никто не танцует, ни один мужчина не желает меня знать.

Кев в недоумении посмотрел на Рохана и Амелию. У такой красивой и умной девушки, как Поппи, есть недостаток в поклонниках?

- Что не так с этими гаджо? - пораженный услышанным, сказал Кев.

- Они идиоты, - ответил Рохан, - и не устают это доказывать.

Вновь обратившись к Поппи, Кев взял быка за рога:

- Это из-за того, что у вас в семье есть цыгане? Поэтому с тобой никто не хочет знаться?

– Ну, и из-за этого тоже, – призналась Поппи. – Но главная беда в том, что я не умею вести себя в обществе. Я постоянно допускаю оплошности. Я совершенно не умею поддерживать светскую беседу. В обществе принято легко переходить с предмета на предмет, порхать по верхам словно бабочка. Это легко, и я не вижу в том большого смысла. И те молодые люди, которые все же снисходят до общения со мной, через пять минут пускаются от меня наутек, потому что они флиртуют и говорят глупости, а я не знаю, как реагировать.

– В любом случае я бы не хотела, чтобы кто-нибудь из них стал ее мужем, – сказала, как отрезала, Амелия. – Тебе надо было их видеть, Меррипен. Никчемная стая самодовольных павлинов.

– Думаю, лучше называть их сборищем павлинов, – поправила ее Поппи, – а не стаей.

– Назови их лучше клубком жаб, – сказала Беатрикс.

– Колонией пингвинов, – вставила свое слово Амелия.

– Стаей бабуинов, – со смехом сказала Поппи.

Кев улыбнулся, но весело ему не было. Поппи всегда мечтала о сезоне в столице, и мечта ее обернулась сокрушительным разочарованием.

– Тебя приглашали куда положено? – спросил он. – На танцы, на ужины?

– На балы и в салоны, – поправила его Поппи. – Да, благодаря покровительству лорда Уэстклиффа и лорда Винсента приглашения мы получали. Но тот факт, что тебя впустили, еще не означает, что тебя там ждут и хотят видеть, Меррипен. Иногда приглашение лишь наделяет тебя привилегией подпирать стенку, когда остальные танцуют.

Кев, нахмурившись, посмотрел на Амелию и Рохана.

– И что вы собираетесь с этим делать?

– Мы собираемся подвести черту под сезоном Поппи, – сказала Амелия, – и сообщить всем, что мы, подумав, решили, что она все же слишком молода для сезона.

– Никто этому не поверит, – сказала Беатрикс. – В конце концов Поппи уже почти девятнадцать.

– Ни к чему делать из меня престарелую матрону, покрытую бородавками, – раздраженно сказала Поппи.

– А тем временем, – терпеливо продолжала Амелия, – мы найдем гувернантку, которая научит Поппи и Беатрикс светским манерам.

– Только не первую попавшуюся, – ворчливо заметила Беатрикс.

* * *

Позже Амелия отвела Кева в сторону. Она сунула руку в карман платья и достала оттуда маленький белый, сложенный вчетверо листок. Протянув ему листок, она заглянула Кеву в глаза и сказала:

– Уин присылала и другие письма семье, и, разумеется, тебе стоит их прочесть. Но это письмо адресовано лично тебе.

Не в силах произнести ни слова, Кев сжал руками вощенный листок, скрепленный печатью.

Он направился в свой номер, который по его настоянию ему сняли отдельно от семьи. Усевшись за маленький столик, он осторожно сломал печать.

То был знакомый почерк Уин – мелкий и аккуратный.

«Дорогой Кев!

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии, полным сил и энергии. Если честно, не могу представить тебя иным. Каждое утро я просыпаюсь в месте, которое, кажется, принадлежит совсем другому миру, и каждый раз удивляюсь тому, что нахожусь так далеко от моей семьи. И от тебя.

Путешествие морем через канал было утомительным. Еще более утомительным оказалось путешествие по суше до клиники. Как тебе известно, путешественница из меня никакая, но Лео благополучно доставил меня до клиники. Сейчас он живет неподалеку от пансиона, в маленьком замке, превращенном хозяевами в гостиницу. Каждый день он приходит меня навестить...»

Далее в своем письме Уин описывала клинику, обстановка в которой, судя по ее словам, была суровой и спартанской. Там находились пациенты, страдающие от многих болезней, но больше всего с болезнями легких и органов дыхания.

Вместо того чтобы пичкать их лекарствами и держать взаперти, как предписывало большинство докторов, доктор Харроу для каждого пациента разработал систему упражнений, приучил принимать холодные ванны, пить соки и есть простую и довольно скудную пищу. Заставляя пациентов делать гимнастику, доктор Харроу шел вразрез с официальной медициной, но, по его убеждениям, все живое должно двигаться. Так распорядилась природа.

Каждое утро начиналось с прогулки. Гуляли пациенты и в ясную погоду, и в дождь, после чего следовал час занятий гимнастикой, во время которой они лазали по стремянке или упражнялись с гантелями. До сих пор Уин с трудом могла выполнить хотя бы один заход не задыхаясь, но она уже начала замечать некоторые улучшения. Всех в клинике обязали проверять дыхание на новом приборе, называемом спирометром, который измерял объем воздуха, вдыхаемого в легкие и выдыхаемого из них.

Она еще что-то писала о клинике и пациентах, но эту часть Кев лишь бегло просмотрел. И тогда он добрался до последних абзацев.

«С тех пор как я переболела тогда скарлатиной, у меня мало на что хватало сил, разве что на любовь. Но я любила и до сих пор люблю полной мерой. Мне жаль,

что я шокировала тебя в то утро, когда уезжала, но я не жалею о том, что сделала и что сказала, не жалею о том, что выразила свои чувства.

Я буду добиваться тебя и сделаю все, чтобы научиться жить полной жизнью. Я мечтаю о том, чтобы и ты, и жизнь однажды повернулись ко мне лицом и позволили вас поймать. Эта мечта заставляет меня жить. Я так много хочу тебе сказать, но я еще не свободна.

Надеюсь, что однажды буду здорова настолько, что смогу шокировать тебя вновь, однако с более приятными результатами.

Я прикладываю к этому письму сто поцелуев. Ты должен тщательно их пересчитать и не упустить ни одного.

Твоя Уинифред»

Кев дважды перечитал письмо, затем смял и бросил его в камин.

Он смотрел, как бумага горит и тлеет, превращаясь в пепел, пока не исчезло в огне все написанное Уин, до последнего слова.

Глава 6

Наконец Уин вернулась домой.

Шхуна из Кале прибыла в порт. Трюм наполнился предметами роскоши, мешками с письмами и посылками, которые Королевской почте предстояло доставить адресатам. Корабль был средних размеров, с семью просторными каютами для пассажиров, обшитыми деревянными панелями, выкрашенными глянцевой флорентийской белой краской.

Уин, стоя на палубе, наблюдала за тем, как матросы пришвартовывают судно. Лишь после этого пассажирам будет разрешено сойти на берег.

Когда-то от охватившего ее возбуждения она едва могла бы дышать, но Уин возвращалась в Лондон сильно изменившейся.

Она гадала, как семья отреагирует на произошедшие с ней перемены. И конечно же, они все тоже стали другими. Амелия и Кэм вот уже два года как женаты, а Поппи и Беатрикс уже вышли в свет.

А Меррипен... Но Уин боялась даже думать о нем. Мысли о нем были слишком волнующими, чтобы позволять себе о нем думать.

Она смотрела по сторонам, на лес из корабельных мачт, на огромную территорию порта с причалами и дамбами, на склады, в которых хранились табак, шерсть, вино и другие товары. Повсюду было движение: матросы, пассажиры, поставщики провианта, грузчики, тележки, скот. Воздух сгустился от всевозможных запахов: запах коз и лошадей, ароматы пряностей, соленый запах моря, запах дегтя, смолы, древесной трухи. И надо всей этой какофонией запахов – едкий дым из печных труб, белесый угольный пар. Чем ближе к ночи, тем плотнее обволакивал город дым и пар.

Уин не терпелось поскорее оказаться в Гемпшире, где весенние лужайки расцвечены белыми головками маргариток, где даже живые изгороди усыпаны цветами. Амелия писала, что восстановительные работы в имении Рамзи еще не закончены, но дом уже готов принять жильцов. Похоже, под управлением Меррипена работы продвигались с необыкновенной скоростью.

Между тем матросы спустили и закрепили трап. Первые пассажиры начали спускаться. Уин следила взглядом за Лео, высоким, худым, почти тощим.

Франция хорошо повлияла на них обоих. Тогда как Уин немного прибавила в весе, оставшись стройной, но избавившись от болезненной худобы, Лео лишился жирка на животе, который успел нагулять в Лондоне. Большую часть времени он проводил вне дома, много гулял, рисовал, плавал. Даже волосы его выгорели и стали светлее на несколько оттенков, а кожа, наоборот, потемнела от солнца. Светло-голубые глаза на загорелом лице смотрелись особенно выразительно.

Уин знала, что брат уже никогда не станет прежним нежным и непосредственным мальчиком, каким был до смерти Лауры, но он больше не был

медленно убивающим себя ничтожеством, что, несомненно, станет огромным облегчением для всей семьи.

Через сравнительно короткое время Лео вернулся. Он с ухмылкой подошел к ней, сжимая в руках шляпу.

- Кто-нибудь нас встречает? – спросила Уин.

- Нет.

Она обеспокоенно наморщила лоб.

- Выходит, мое письмо еще не дошло. – Они с Лео написали сестрам, что приедут на несколько дней раньше, чем планировали, из-за изменения в расписании рейсов шхуны.

- Твое письмо, должно быть, валяется где-нибудь на дне почтового мешка, – сказал Лео. – Не переживай, Уин. Мы доберемся до «Ратледжа» в наемном экипаже. Это недалеко.

- Но для семьи станет шоком наше появление раньше ожидаемого времени.

- Нашей семье потрясения нравятся, – ответил он. – Или, вернее сказать, они к ним привыкли.

- И еще они удивятся тому, что с нами приехал доктор Харроу.

- Уверен, что они не станут возражать против его присутствия, – сказал Лео и, усмехнувшись, добавил: – Ну, большинство не будет.

* * *

К тому времени как они добрались до отеля «Ратледж», наступил вечер. Лео заказал номера и распорядился насчет багажа. Уин и доктор Харроу ждали в углу просторного холла.

– Я дам вам возможность воссоединиться с семьей без посторонних, – сказал Харроу. – Я и мой слуга пойдем в свои номера распаковывать вещи.

– Мы будем рады, если вы пойдете с нами, – сказала Уин, однако втайне почувствовала облегчение, когда он покачал головой:

– Я не стану вам мешать. Ваша встреча должна пройти без посторонних.

– Но утром мы увидимся? – спросила Уин.

– Да. – Он стоял и смотрел на нее. На губах его играла улыбка.

Доктор Джулиан Харроу был элегантным мужчиной, необычайно собранным и непринужденно обаятельным. Темноволосый и сероглазый, с тяжелым подбородком, он обладал тем типом мужского обаяния, которое заставляло почти всех его пациенток немного влюбляться в него. Одна из женщин в клинике как-то сухо заметила, что магнетизм доктора Харроу действует не только на мужчин, женщин и детей, но также на мебель и даже на золотых рыбок в аквариуме.

Лео выразил это так:

– Харроу не похож на врача. Он похож на дамскую фантазию о докторе. Я подозреваю, что половина его постоянных клиентов представляет собой влюбленных дамочек, которые готовы болеть до бесконечности лишь ради того, чтобы он их лечил.

– Уверю тебя, – со смехом сказала ему Уин, – что я не являюсь влюбленной дамочкой, и, уж конечно, я ни за что не стала бы затягивать свое выздоровление.

Но она была вынуждена признать, что трудно не испытывать никаких чувств по отношению к мужчине, который привлекателен, внимателен и к тому же излечил ее от изматывающей болезни. И Уин считала, что Джулиан, возможно, испытывает к ней ответное чувство. В течение последнего года, когда здоровье Уин окончательно пришло в норму и она снова стала полна жизни, Джулиан начал относиться к ней не просто как к пациентке. Они отправлялись на долгие

совместные прогулки по невероятно романтичным окрестностям Прованса, и он даже флиртовал с ней и заставлял смеяться. Его внимание льстило ей и было как бальзам для ее самолюбия, уязвленного демонстративным безразличием Меррипена.

Со временем Уин свыклась с тем, что чувства, которые она испытывает к Меррипену, не встречают отклика в его сердце. Она даже плакала у Лео на плече. Брат веско заметил, что она почти не видела мир и ничего не знает о мужчинах.

– Ты не думаешь, что твое влечение к Меррипену, возможно, является результатом в том числе того, что вы столько лет жили бок о бок? – осторожно спросил у нее Лео. – Давай посмотрим на ситуацию честно, Уин. У тебя нет с ним ничего общего. Ты чудесная, тонко чувствующая, начитанная женщина, а он... Меррипен. Ему нравится рубить дрова в качестве развлечения. И в связи с этим мне хочется сказать тебе, что некоторые пары прекрасно уживаются в спальне, но не за ее пределами.

Уин была так поражена грубой прямоотой его ответа, что даже перестала плакать.

– Лео Хатауэй, ты хочешь сказать...

– Теперь лорд Рамзи, смею напомнить, – насмешливо заявил он.

– Лорд Рамзи, вы хотите сказать, что мои чувства к Меррипену имеют в своей основе инстинкт?

– Ну, они явно не интеллектуальной природы, – сказал Лео и ухмыльнулся, когда она ущипнула его за плечо.

Однако после долгих размышлений Уин вынуждена была признать, что в словах Лео есть резон. Конечно, Меррипен был куда умнее и образованнее, чем получалось со слов ее брата. Насколько ей помнилось, Меррипен не один раз ставил Лео в затруднительное положение в философских спорах. Меррипен помнил больше цитат на греческом и латинском, чем кто бы то ни было в семье за исключением ее отца. Но Меррипен выучился всему этому лишь для того, чтобы вписаться в круг Хатауэев, а не потому, что ему действительно хотелось

получить образование.

Меррипен был дитя природы – он тосковал по земле, по просторам, по чистому небу. Ему никогда не стать ручным. Они с Уин были совсем разными – как рыба и птица.

Джулиан взял ее руку в свою.

– Уинифред, – сказал он нежно, – теперь, когда мы не в клинике, жизнь не будет такой упорядоченной. Вы должны беречь свое здоровье. Каким бы сильным ни было искушение засидеться допоздна, вы должны хорошенько выспаться этой ночью.

– Слушаюсь, доктор, – сказала Уин, улыбнувшись. Она испытывала к доктору теплые чувства. Она помнила тот первый раз, когда ей удалось подняться до конца по веревочной лестнице в гимнастическом зале клиники. Джулиан постоянно был рядом. Он уговаривал ее, шептал на ухо слова поощрения. Она чувствовала спиной его грудь. «Чуть выше, Уинифред. Я не дам вам упасть». Он ничего за нее не делал. Он лишь страховал ее, когда она забиралась по лестнице вверх.

* * *

– Я немного нервничаю, – призналась Уин, когда Лео проводил ее в семейные апартаменты Хатауэев на втором этаже отеля.

– Почему?

– Точно не знаю. Возможно, потому, что мы все изменились.

– Самое главное осталось прежним. – Лео крепко взял ее под локоть. – Ты все та же достойная восхищения девушка, какой и была. Я все тот же разгильдяй, падкий до выпивки и доступных девиц.

– Лео, – укоризненно сказала она, – ты ведь не намерен вернуться к прежнему, верно?

– Я буду избегать искушений, – ответил он, – если только искушения не станут искать меня. – Он остановил ее на середине площадки. – Ты не хочешь передохнуть минутку?

– Вовсе нет. – Уин с энтузиазмом продолжила подъем. – Мне нравится подниматься по лестницам. Мне нравится делать все, что я не могла делать раньше. И отныне и впредь мое жизненное кредо – жить надо по полной.

Лео усмехнулся:

– Тебе следует знать, что я часто говорил это в прошлом и всякий раз попадал из-за этого в какую-нибудь дурную историю.

Уин с удовольствием огляделась. После столь долгого пребывания в суровой обстановке клиники она с наслаждением окунется в роскошь.

Элегантный, современный и необычайно комфортабельный, отель «Ратледж» принадлежал загадочному Гарри Ратледжу, о котором ходило столько слухов, что никто не мог бы сказать точно, был ли он британцем или американцем. Единственное, что было известно доподлинно, так это то, что он жил какое-то время в Америке и приехал в Британию, чтобы создать отель, который сочетал бы в себе европейскую роскошь с лучшими из американских новинок.

«Ратледж» был первым отелем в Лондоне, в котором каждый из номеров был снабжен отдельной ванной. Еще там имелись специальные лифты, по которым поднимали еду, встроенные шкафы в спальнях, личные комнаты для встреч и совещаний с застекленными потолками и портиками, зимние сады. Столовая отеля была одной из самых красивых в Англии, и канделябров там было так много, что потолок пришлось специально укреплять, чтобы он выдержал их тяжесть.

Они подошли к двери номера Хатауэев, и Лео осторожно постучал.

Дверь открыла светловолосая горничная. Окинув их обоим взглядом, она спросила Лео:

– Могу я вам чем-то помочь, сэр?

– Мы пришли повидать мистера и миссис Рохан.

– Прошу прощения, сэр, но они только что удалились в спальню.

Было уже довольно поздно.

– Мы должны вернуться в свои номера. Пусть отдыхают, – удрученно сказала Уин. – Придем утром.

Лео с улыбкой посмотрел на горничную и тихим нежным голосом спросил:

– Как тебя зовут, малышка?

Она распахнула карие глаза, и щеки ее порозовели от смущения.

– Абигель, сэр.

– Абигель, – повторил он. – Скажи миссис Рохан, что ее сестра здесь и желает видеть ее.

– Слушаюсь, сэр. – Горничная захихикала и оставила их у двери.

Уин искоса посмотрела на брата, который помогал ей снять плащ.

– Меня не устает поражать твое умение ладить с женщинами.

– Большинство женщин питают трагическое пристрастие к распутникам, – с сожалением констатировал он. – И мне действительно не следует использовать эту их слабость против них же самих.

Слышно было, как отворилась дальняя дверь. Лео увидел знакомые фигуры Амелии в голубом халате и Кэма Рохана в распахнутой у ворота рубашке и брюках. Несколько растрепанный вид был ему очень к лицу.

Амелия, увидев брата и сестру, замерла. Глаза ее округлились, рука вспорхнула к горлу.

– Это правда ты? – дрожащим голосом спросила она.

Уин попыталась улыбнуться, что было непросто сделать, когда губы дрожали от избытка эмоций. Она пыталась представить, какой ее видит Амелия, которая помнила ее хрупкой и безнадежно больной.

– Я дома, – слегка срывающимся голосом сказала она.

– О, Уин! Я мечтала... Я так надеялась... – Амелия бросилась к сестре, и они стремительно и крепко обнялись.

Уин закрыла глаза и вздохнула. Только сейчас она почувствовала, что вернулась домой. «Моя сестра». Она купалась в уютном тепле объятий Амелии.

– Ты такая красивая, – сказала Амелия и, чуть отстранившись, накрыла ладонями влажные щеки Уин. – Такая здоровая и сильная. О, посмотри на эту богиню, Кэм, только посмотри на нее!

– Ты выглядишь здоровой, – сказал Рохан, одобрительно окинув взглядом Уин. Глаза его блестели. – Лучше, чем когда-либо, моя маленькая сестренка. – Он осторожно обнял ее и поцеловал в лоб. – С возвращением тебя.

– Где Поппи и Беатрикс?

– Они уже легли, но я пойду и разбужу их.

– Нет, пусть спят, – быстро сказала Уин. – Нам не стоит засиживаться допоздна, мы оба устали, но я должна была увидеть тебя, перед тем как лечь спать.

Амелия перевела взгляд на Лео, который так и остался стоять у двери. Уин услышала, как сестра тихо воскликнула, и поняла, что та заметила произошедшую в нем перемену.

– А вот и мой старина Лео, – нежно сказала Амелия.

Уин удивилась, увидев, как в глазах Лео, постоянно носившего на лице саркастическую усмешку, промелькнуло нечто очень похожее на трогательную мальчишескую незащитность. Словно ему было стыдно за то удовольствие, что он испытывал при воссоединении с семьей.

– Ну, теперь у тебя будет другой повод для слез, – сказал он, – поскольку, как ты видишь, я тоже вернулся домой.

Она подбежала к нему и была встречена крепкими объятиями.

– Французы не захотели оставить тебя у себя? – спросила она, уткнувшись брату в грудь.

– Напротив, они так меня обожают, что не хотели отпускать. Но какая радость оставаться там, где тебя хотят?

– Жаль, что ты не видишь в том радости, – сказала Амелия, приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. – Потому что тебя очень хотят видеть здесь.

Улыбаясь, Лео протянул Рохану руку для пожатия.

– С нетерпением жду возможности увидеть те изменения, о которых ты писал. Похоже, в поместье кипит работа.

– Ты можешь расспросить обо всем Меррипена с утра, – непринужденно ответил Рохан. – Он знает каждый дюйм в поместье, знает по имени каждого слугу и каждого арендатора. И ему есть о чем тебе рассказать, так что будь готов к тому, что говорить он будет долго.

– Ну, это утром, – сказал Лео, бросив быстрый взгляд в сторону Уин. – Он что, в Лондоне?

– Здесь, в «Ратледже». Он приехал в город, чтобы через агентство нанять еще слуг.

– Мне за многое стоит сказать Меррипену спасибо, – с нехарактерной для него искренностью произнес Лео. – И тебе, Рохан, тоже. Черт знает, зачем ты столько для меня сделал.

– Не для тебя одного, для всей семьи.

Пока мужчины разговаривали, Амелия усадила Уин на кушетку возле камина и сама села рядом.

– Лицо у тебя округлилось, – сказала Амелия, перечисляя изменения, произошедшие с сестрой. – Глаза стали ярче, и фигура великолепная.

– Больше никаких корсетов, – с улыбкой сообщила Уин. – Доктор Харроу говорит, что они сжимают легкие, заставляют позвоночник и голову принимать противоестественное положение и ослабляют мышцы спины.

– Безобразие! – воскликнула Амелия, сияя глазами. – Никаких корсетов даже при выходе в свет?

– Он разрешает мне носить корсет, только очень редко, но все равно сильно затягиваться не велит.

– Что еще говорит доктор Харроу? – спросила Амелия, явно забавляясь. – Есть у него соображения по поводу чулок и подвязок?

– Ты можешь услышать его мнение непосредственно из его уст, – сказала Уин. – Мы с Лео привезли доктора Харроу с собой.

– Чудно. У него здесь какие-то дела?

– Если и есть, то я о них не знаю.

– Полагаю, что раз он родом из Лондона, то захочет навестить родственников и друзей?

– Да, конечно, но... – Уин почувствовала, что краснеет. – Джулиан выразил личную заинтересованность в том, чтобы провести со мной время за пределами

клиники.

Амелия от удивления открыла рот.

- Джулиан, - повторила она. - Означает ли это, что он ухаживает за тобой, Уин?

- Я не уверена. У меня в этих вопросах совсем нет опыта. Но мне так кажется.

- Он тебе нравится?

Уин кивнула без колебаний:

- Да, нравится.

- Тогда я уверена, что мне он тоже понравится. И я рада представившейся возможности лично поблагодарить его за то, что он сделал.

Они улыбались друг другу, обе в восторге от того, что снова вместе. Но очень скоро Уин подумала о Меррипене, и пульс ее участился. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Нервы ее были на взводе.

- Как он, Амелия? - не выдержав, прошептала она.

Амелии ни к чему было спрашивать, кого имеет в виду Уин.

- Меррипен изменился, - осторожно сказала она, - почти так же сильно, как ты и Лео. Кэм говорит, что то, что Меррипену удалось сделать с поместьем, поражает воображение. Чтобы управлять строительством, организовывать хозяйственные работы и прочее, нужно обладать разносторонними умениями и талантами. И Меррипену все это удается. Когда возникает необходимость, он сбрасывает сюртук и, засучив рукава, трудится наравне с рабочими. И рабочие его уважают - ни разу никому в голову не пришло оспорить его авторитет.

- Разумеется, я не удивлена, - сказала Уин, хотя сердце ее замирало от сладкой горечи. - Он всегда отличался сноровкой. Но когда ты говоришь, что он изменился, что ты имеешь в виду?

– Он стал довольно... жестким.

– Жестким? Ты хочешь сказать – упрямым?

– Да, и отчужденным. Похоже, что он не находит удовлетворения в своих успехах, да и жизнь его, похоже, не радует. О, он многому научился, и он отлично руководит, и одевается лучше, чтобы соответствовать новому положению, но, странное дело, он кажется еще менее цивилизованным, чем когда появился у нас. Думаю... – Возникла неловкая пауза. – Возможно, он изменится к лучшему, когда увидит тебя. Ты всегда оказывала на него благотворное влияние.

Уин опустила глаза.

– Сомневаюсь. Сомневаюсь, что я вообще оказываю какое-либо влияние на Меррипена. Он ясно дал понять, что не испытывает ко мне никакого интереса.

– Не испытывает интереса? – повторила Амелия и сдавленно хохотнула. – Нет, Уин, я никогда не стала бы так говорить. Любое упоминание о тебе заставляет его всего превращаться в слух.

– О чувствах человека судят по его поступкам. – Уин вздохнула и потерла глаза. – Вначале меня обижало то, что он не отвечает на мои письма. Потом это стало злить. А теперь я просто чувствую себя глупо.

– Почему, дорогая? – спросила Амелия. Синие глаза ее были полны заботы.

«Потому что я люблю его, а он бросает мою любовь мне в лицо. За то, что пролила столько слез из-за этого бессердечного человека. И за то, что, несмотря ни на что, продолжаю его любить».

Уин покачала головой. Разговор о Меррипене вызывал у нее раздражение.

– Я устала после долго путешествия, Амелия, – с виноватой улыбкой сказала она. – Ты не станешь возражать, если я...

– Нет-нет, иди сейчас же спать, – сказала Амелия, помогая сестре подняться с кушетки и бережно обнимая ее за плечи. – Лео, проводи Уин в ее номер. Вы оба устали. У нас завтра будет время поговорить.

– О, как я люблю этот чудный командный тон, – протянул Лео, словно предавался ностальгическим воспоминаниям. – А я надеялся, что к этому времени ты, Рохан, излечишь ее от привычки выкрикивать приказы словно сержант на плацу.

– Мне нравятся все ее привычки, – дипломатично сказал Рохан и улыбнулся жене.

– В каком номере живет Меррипен? – шепотом спросила Уин у Амелии.

– Третий этаж, комната двадцать первая, – так же шепотом ответила Амелия. – Но ты не должна идти к нему прямо сейчас, дорогая.

– Конечно. – Уин улыбнулась. – Единственное, о чем я мечтаю, – это без промедления оказаться в постели.

Глава 7

Третий этаж, комната номер двадцать один. Уин накинула на голову капюшон плаща, скрывая лицо. В коридоре было тихо и пусто.

Разумеется, она должна была найти Меррипена. Она прошла ради этого долгий путь. Она проехала немало миль по суше, переплыла море и, подумав только, вскарабкалась вверх по такому количеству лестниц, что, если их поставить одну на другую, можно было уже давно попасть на небо, и все ради него. Чтобы дотянуться до него. А теперь они находились в одном здании, и она не могла закончить свое путешествие сейчас, когда до цели осталось всего несколько десятков шагов.

В конце коридоров имелись световые колодцы, чтобы в дневные часы коридоры освещал солнечный свет. Откуда-то из глубины здания доносилась музыка. Должно быть, в бальном зале кто-то устраивал закрытую вечеринку или,

возможно, в знаменитой столовой проходил званый ужин. Гостями в отеле Гарри Ратледжа бывали особы королевской крови, знаменитости, сильные мира сего. Останавливаться здесь считалось престижным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kleypas_liza/obol-sti-menya-na-rassvete

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)